

Элина Лунева

Настенька

Книга вторая. **Кровавая княжна**

Элина Лунева
Настенька. Книга вторая.
Кровавая княжна
Серия «Настенька», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70029586
SelfPub; 2024*

Аннотация

ЧЕРНОВИК!!! Это вторая книга дилогии "Настенька". Главная героиня этого романа в свои тридцать пять лет, казалось, имела всё для счастливой жизни: яркую внешность, уверенность в себе, образование, прекрасную работу, удачно складывающуюся карьеру, деньги и успех. Но, увы, в её жизни не было счастья. Ни надежного мужчины, ни друзей, ни детей, ни семьи она не нажила. Осознание того, что время и возможности упущены, а свою такую короткую жизнь она прожила не так, как хотелось бы, пришло уже слишком поздно, когда очнувшись в новом теле юной пятнадцатилетней девушки, она поняла, что та прошлая жизнь безвозвратно потеряна, и изменилась не только она сама, но и мир вокруг стал совершенно другим.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	33
Глава 3	37
Глава 4	53
Глава 5	64
Глава 6	73
Глава 7	84
Глава 8	98
Глава 9	116

Элина Лунева

Настенька. Книга вторая.

Кровавая княжна

Пролог

Передо мной стоял молодой княжич и напряженно всматривался в моё лицо. Он ждал ответ, давать который мне совершенно не хотелось.

Я окинула тоскливым взглядом ясное небо, затем перевела его на лес, где шумели березки, и ждала.

Ну же, только позови. Скажи, что нужна и любима. И я брошу всё. Пошлю к чертям этого заносчивого князька.

Я ждала, но ответа не было. Ни слова, ни знака, ни намёка. Как не было и самого ветра.

Что ж, видимо судьба моя в этот момент делала новый поворот. И поскольку здесь я больше была никому не нужна, то...

– Гляди, княжич, ты слово дал, – произнесла я тихо и протянула ему свою руку.

На мгновение пресветлый даже дар речи потерял, видимо до последнего сомневался, что я сдержу своё слово, но уже через несколько секунд он пришёл в себя.

– Мой плащ! – крикнул он своему ближнему, и я тут же оказалась завёрнута в тонкую шелковую накидку.

Видимо мой скромный сарафан совсем не вязался с обликом княжеской невесты. Всё-таки стесняется пресветлый чумазой простолюдинки.

– Ты хочешь что-нибудь забрать из своего дома? – спросил он, крепко держа меня за руку, как будто бы боялся, что я всё-таки сбегу.

– Да, – коротко ответила я, и бесцеремонно выдернула свою ладонь из его хвата.

Если я думала, что смогу спокойно пройти в избу и не торопясь собрать свои вещи, то ошиблась. Княжич тут же прошёл следом, а в следующее мгновение уже крепко сжимал меня в своих объятиях.

– Могу я, перед тем как покину свой дом, побыть немного одна? Мне нужно собрать свои вещи, – выдавила я с раздражением.

Парень нехотя выпустил меня и вышел, бросив мне наполедок:

– Одежду можешь не брать.

Значит, всё-таки стеснялся. Можно подумать, меня интересовало его мнение, что мне брать, а что нет.

Завернув в несколько слоёв льняного полотна книгу бабки Ядвиги, и добавив к ней несколько баночек с моими зельями и настоями, я аккуратно затянула узелок скатерки, скрепляя свою нехитрую поклажу.

Помимо этого тюка, была ещё небольшая котомочка с личными вещами, среди которых одежды практически не было, а в основном бельё и средства гигиены, лично мною изготовленные, ну и конечно гребешок, подаренный Данилой.

Я долго крутила его в руках, размышляя, стоит ли брать его с собой, ведь я начинала новую жизнь, и эту пройденную страницу уже давно пора было перевернуть. Но отчего-то не спешила расставаться с этой такой незатейливой вещицей, но настолько дорогой моему сердцу.

А вот от Ветра у меня ничего не осталось, ни одного предмета или вещи. Нечего мне было взять с собой, что изредка напоминало бы мне о нем, о наших несбывшихся чувствах, о той печали и радости, что была между нами. И пусть он не смог почувствовать того же, что ощущала я. Пусть для него это всё было лишь кратким мгновением в череде бесконечных веков и тысячелетий. Пусть я была одной из многих. И если спустя время он даже и не вспомнит моего лица, то я никогда не забуду эту волшебную ночь, тот пьянящий запах леса и папоротника, а ещё его потемневшие от страсти глаза.

– Уходишь от нас, – мои размышления прервал чей-то всхлип.

Я обернулась, и передо мной оказалось трое неразлучных представителей домового нечисти: Казимир, Лукьян и Ведогор.

Банник и домовый семьи Радовых стояли повесив головы,

а вот на Казимира было больно смотреть. Он то и дело смахивал скупые мужские слёзы и поджимал дрожащие губы.

– Ну же, прекратите! – не выдержала я и, упав на колени, подгребла всех троих мужичков в свои объятия, – Чего так расстроились?

– Уходишь от нас, – снова всхлипнул мой домовый.

– Так я ж замуж выхожу, – попыталась оправдаться я, а потом добавила, – И ещё не факт, что я там надолго задержусь. Вот придется я не по нраву молодому княжичу, выгонит он меня, вот я и ворочусь в отчий дом. Так что ты, Казимир, пока не расстраивайся, всякое может случиться.

– Это вряд ли, – покачал головой Ведогор, – Вон он как на тебя смотрит.

– Эх, чует моё сердце, не вернёшься ты, – махнул рукой Казимир, – Пропаду я тут один, и дом в упадок придёт.

Я нахмурилась. А вот об этом-то я совсем не подумала. Не могут домовые находиться в доме, где никто не проживает, зачахнуть могут и погибнуть в конце концов.

– Не печалься, Казимир, – приободрила я домовика, – Может у меня с князьком этим и не сложится. Но если у меня с княжичем заладится, что вряд ли конечно, то я дом свой Елизавете Морозовой оставлю. Вон за ней какой приятный парень ухаживает, рыженький такой, конопатый весь, улыбочивый, как звать не помню. Поспорить готова, что уговорит он подружку к венчанию. На покрове и поженятся.

– Дай-то бог, – удрученно выдохнул нечисть.

Присев на дорожку, я ещё раз окинула взглядом своё небольшое, но уже такое родное и уютное жилище, и почувствовала, как у меня кольнуло в области сердца. Прав Казимир, я сюда больше не вернусь, я и сама это чувствовала.

Остановившись на пороге и поклонившись дому в пол, я подобрала котомки со своими нехитрыми пожитками и тихо прикрыла за собой дверь. А в это время на улице уже набежала толпа зевак.

– Настя, Настенька! – услышала я крик и обернулась.

Матрёна порывисто притянула меня в свои объятия.

– Прощай, подруга, – прошептала я ей, сдерживая слёзы, – Не поминай лихом.

– Храни тебя Господь! – трижды перекрестила она меня и отпустила.

Остальные же односельчане подойти или что-то сказать не решились, и просто смотрели, как молодой князь подвёл своего коня, а затем усадил меня на него.

Глава 1

Дорогу до княжеского посада я не запомнила, находясь в некоем заторможенном состоянии, а точнее в состоянии полного безразличия ко всему происходящему.

Княжич управлял своим скакуном довольно умело, не гнал и особо не торопился. Он аккуратно придерживал меня за талию, дабы я не свалилась с лошади. И, пожалуй, это был единственный раз, когда я порадовалась своему лёгкому весу, ведь мне было откровенно жаль животинку, которой пришлось везти двоих.

Несколько раз пресветлый пытался заговорить со мной, но я же отвечала односложно, либо вовсе игнорировала, так как именно сейчас была совершенно не настроена на какое-либо общение.

Оживилась я лишь, когда над нашими головами раздалось громкое карканье ворона.

– Вот, паскуда, – прошипел один из ближников княжича, кажется Ивор, – Как бы беду не накликать.

– Дозволь, пресветлый, я его сейчас арбалетом сниму, – уже потянулся к оружию второй ближник с именем Мстислав.

– Только тронь, – произнесла я тихо, однако меня все услышали, – И лишишься руки.

– Да как ты..., – он хотел было ответить, но свирепый

взгляд князя тут же заставил его закрыть рот и проглотить рвущиеся наружу оскорбления.

Я же протянула вперёд руку, на которую и спикировала черная птица.

– Не забыл ты меня, демон пернатый, не бросил, – прошептала я тихо, прижимаясь к блестящим черным перьям.

И тут же в моей голове возник мыслеобраз: кладбище, лес, избушка бабки Ядвиги и ворон, клюющий угощение, брошенное мной.

Вот значит как? Я удивленно посмотрела в колючие глаза птицы, а от него же пришёл следующий образ, в котором он сидел на моём плече, а я ласково проводила по его угольно-черным перьям рукой и скармливала кусочек свежего мяса.

– Голодный, потерпи немного. Наверное, скоро приедем, – тихо прошептала я и, едва касаясь, огладила черное крыло.

Ворон каркнул, взмахнул крыльями и взлетел. Князь что-то проговорил недовольное, а я же смотрела, как большая черная птица покружила над нашей небольшой процессией, а затем полетела вперёд.

На горизонте показалось очертание города. И я принялась внимательно рассматривать высокую деревянную заставу с широкими башенками и смотровыми воинами на ней.

Увидев мою заинтересованность, княжич принялся рассказывать и описывать мне устройство города.

Город имел имя своего князя и назывался Дмитров и выглядел, словно огромный музей деревянного зодчества. Издалека, во всяком случае, казалось именно так.

Я во все глаза уставилась на высокие укрепления и насыпной вал возле крепостной стены, деревянной конечно, на высокие башенки кремля, на расписные крыши теремов и высоких, словно разукрашенные скворечники, домов.

Город представлял собой огромную деревянную крепость, возведенную на широкой возвышенности, и обнесенную крепостной стеной, состоящей из плотно подогнанных срубов и высотой не менее двух-трех этажей. Поверх крепостной стены крепилась двускатная крыша, которая, по всей видимости, защищала воинов от непогоды и стрел врага в моменты осады. Будем надеяться, что на время моего пребывания в этом городе, подобного не случится.

За воротами крепостной стены передо мной раскинулся сам город, словно из старых сказок или картинок. Деревянные дома, деревянные терема, деревянные церквушки, даже улицы и те были мощёные деревянным настилом. Да, видимо этот город очень боялся пожаров.

Изнутри Дмитров в некотором роде напоминал современную Москву, но не видом конечно, а круговым устройством. Здесь тоже имелись своего рода кольца. Первый круг (кольцо), который занимал весь центр города, назывался детинцем. Здесь жил правящий род, а также множество теремов, церквей и прочих богатых зданий, принадлежащих особо

приближенным к княжескому роду. Центровое место занимал кремль, в котором и жила непосредственно правящая семья со всеми их служками, челядью и прочим. Кремль имел свою крепостную стену, и являлся в некотором роде крепостью внутри города.

Второй круг города составляли терема и дворы бояр, воиной знати, со всеми их подворьями, челядью, рабами и крестьянами.

Третий круг составляли дома крупных ремесленников и богатых купцов. В некоторых случаях власть имущие дозволяли селить сюда иноземные торговые посольства.

Четвёртый круг, он же крайний, или, как я бы его назвала, окраина, представлял собой самую большую и многочисленную по населению часть города. Здесь жили простые вои (солдаты), мелкие ремесленники, простые торговцы и их челядь.

Проезжая город, я не могла не отметить, как разительно отличалась жизнь окраин от тех районов, что были приближены к кремлю. Нищие деревянные дома постепенно сменялись богатыми купеческими дворами и подворьями, а те в свою очередь роскошными расписными теремами и палатами. И апогеем всему был кремль. Деревянный, с высокими стенами, он словно возвышался над всем городом, являя своё величие и олицетворяя силу правящего рода.

Очевидно, княжич ожидал увидеть больше эмоций на моём лице, в числе которых должно было быть и удивление, и

восхищение, и возможно даже некое раболепие. Кем я была до того? Крестьянка чумазая, да сирота безродная, не челядь конечно, но почти. Холопка, одним словом. А теперь кем стала? Невеста княжича, жена будущего правителя!

Только вот лицо моё не выдавало подобных эмоций, хоть убей. Я лишь уныло окинула взглядом огромный терем кремля и подумала, что это не Москва-сити, и не красная площадь златоглавой, и уж точно не кремль прекрасного Нижнего Новгорода. Поэтому и выражение моего лица было весьма спокойным и сдержанным, особенно для чумазой необразованной селянки. Это-то и удивило молодого князя и его ближников. Хотя я отметила и красоту деревянной резьбы, и изящность росписи, и яркость цветных витражей в небольших деревянных оконцах. В целом кремль с его теремами и палатами производил впечатление весьма атмосферное и внушающее, но увы не для жительницы России двадцать первого века.

А в это время на красное крыльцо терема высыпало несколько десятков человек. Княжич спрыгнул с коня и, бросив поводья тут же подбежавшему конюху, аккуратно снял с меня с лошади.

Поклонившись в ноги высокому статному мужчине с темными волосами и аккуратной темной бородой, он произнёс: – Благослови нас отец. Вот та, что так любя мне.

Толпа вокруг ахнула.

Мужчина смотрел серьёзно и с недоверием, оглядывая

меня с явным неудовольствием. Хмуро смотрели и бояре, столпившиеся возле князя. И всё чаще до моего слуха доносились шепотки: безродная, чумазая, голь перекатная.

Княжич на обидные слова толпы никак не реагировал, он напряженно всматривался в суровое лицо отца, ожидая ответа.

– Ты обещал, отец, – тихо произнёс парень и теснее сжал мою руку.

Мужчина вздохнул и нехотя перекрестил нас с княжичем, произнося слова молитвы.

А дальше меня с двух сторон подхватили под руки две женщины и настойчиво повели в терем.

Палаты, комнаты, коридоры. Всё смешалось перед моими глазами. И только сейчас до меня начало доходить, что же я натворила. Жила я себе тихо-тихо в своем селе, никого не трогала. Да, бедно жила. Да, в тесноте и в вечной экономии. Но спокойно. Пусть и приходилось мне иногда сталкиваться и нечистью, и с нежитью, да и ещё с разными непонятными тварями, названия которых я не знала. Мне тут же вспомнилась та огненная тварь, что вселилась в несчастную Сонечку. Но там, среди всего этого, я была словно на своём месте. А здесь? Кем буду я здесь?

Видимо обо всём этом мне следовало подумать раньше, прежде чем кидать княжичу столь опрометчивые обещания. Вот как теперь быть-то? Шутки давно кончились. Пресветлый и вправду меня в жены взять хочет. И мне теперь с нелю-

бимым мужчиной свою жизнь прожить придётся.

– А чумазая-то какая? – услышала я чей-то вздох.

Из раздумий меня вывели две здоровенные тетки, которые буквально втащили меня в какое-то помещение, где на высоком стуле восседала уже не молодая, но весьма привлекательная женщина. Её расшитый золотом сарафан, дорогой покров на голове, стянутый золотым венцом, а также унизанные кольцами и перстнями пальцы явно указывали на то, что передо мной кто-то из власть имущих.

– Государыня, – поклонилась ей одна из моих конвоирш.

Темные глаза княгини, а очевидно это была именно она, недобро прищурились на меня. Женщина поднялась, приблизилась, а затем обошла меня по кругу, брезгливо оглядывая.

– Отмыть и переодеть, – бросила она повелительно, – Да кликните смотрительницу.

После этого она величаво выплыла из помещения, а ей на смену вошла необъятных размеров тетка в сопровождении нескольких молоденьких девушек.

Девчата тут же вытащили на середину комнаты деревянную лохань и принялись наполнять её теплой водой. Затем меня сноровисто раздели и две мои надзирательницы настойчиво подтолкнули к посудине, в которой и принялись меня намыывать.

– А тоща-то кока! – выдала смотрительница, из чего я поняла, что я на её вкус оказалась слишком худа.

Я же на это лишь мысленно пожала плечами. Что выросло, то выросло. Уж извините.

– А волосы густы, – одобрительно поцокала она языком, наматывая на свою пухлую руку мою копну волос, а потом бесцеремонно залезла мне в рот, от чего я дернулась и недовольно фыркнула.

– Тааак, зубы белые, целые, все на месте, – изрекла горе-стоматолог.

– Глаза не косят, – а теперь ещё и горе-окулист.

– Кожа чистая, без ожогов и парши, – не унималась недо-дерматолог.

Пока меня бесцеремонно осматривали и вертели, словно куклу, ярость во мне медленно закипала.

– Ну-ка, девка, расставь ноги пошире. Надо досмотреть, не порченная ли ты.

Бабища деловито принялась закатывать рукава и, словно хирург, тщательно намывать в шайке свои ручищи. Намерения женщины были очевидны, и тут у меня не выдержали нервы.

– Прикоснётесь ко мне и умрёте, – тихо проговорила я, яростно глядя ей в глаза.

И сказано это было так, что все разом вдруг отшатнулись и замерли. Не знаю, что прочла на моём лице в тот момент эта самая смотрительница, но больше она ко мне не приближалась. Девушки тоже, как-то опасливо косились на меня.

– Одевайте, – разрешила я им. И четыре пары рук тут же

кинулись обтирать меня льняными полотенцами, а затем натягивать сорочку, рубашку, несколько нижних юбок, а уж потом вышитый золотыми и серебряными нитями сарафан.

Усадив меня на резную скамеечку, две девушки принялись расчёсывать мои влажные волосы частыми гребнями, а остальные вдруг запели. И пели они такие заунывные песни, что мне захотелось волком завывать. Их репертуар перемежался с каким-то странным девичьим плачем, а песни были о нелегкой женской доле, о тоске девушек по подруженьке. В своих песнях они горевали о том, что не водить мне более с ними хороводы, не встречать в шумной девичьей компании солнышка на Ярилов день, не бегать на супрядки, и не коротать мне с ними теперь вечорки.

Хотя я и понимала, что весь этот спектакль – лишь дань традициям. Обычай такой. И не знала я этих девушек, и тем более не была им подругой. Все равно, их поведение меня немного обескуражило.

Продолжалось всё это долго. Очень долго. Я уже не знала, куда себя деть. Мне откровенно хотелось всех выгнать вон. И только я приготовилась это сделать, как в резную дверь громко постучали. А затем несколько девушек внесли в помещение пару сундучков и два подноса с яствами.

– Подарки и сладости от жениха! – восхищенно заахали девочки.

Я же равнодушно взидала, как две мои конвоирши принялись раскладывать содержимое ларцов. В одном из кото-

рых лежали пара сапожек тонкой выделки, маленькое зеркальце, баночка белил, склянка румян, резной украшенный самоцветами гребешок и несколько коробочек с украшениями.

Во втором ларце оказались изящные ножницы, коробочка с иголочками, булабочками и множество отрезков тончайшего шелка разных оттенков.

Девушки сноровисто раскладывали на столе сладости, сахаренные ягоды, миски с тягучим медом, тарелочки с крендельками и баранками, пряники, кувшины с охлажденным морсом и горячим сбитнем.

Поскольку ела я в последний раз более суток тому назад, то не удивительно, что при виде всего этого изобилия мой рот тут же наполнился слюной, а в животе заурчало. И только моя гордость и тренированная выдержка не позволили мне накинуться на еду, словно оголодавшая бродяжка. Напустив на себя отстраненный вид, я аккуратно отломил от вкусно-пахнущего каравая небольшой кусочек, мазнула по нему мягким чуть подтаявшим сливочным маслом и медленно с достоинством положила в рот, не торопясь пережевывать.

Одна из девушек тут же пододвинула к столу резной стульчик, чтобы я смогла усесться, а вторая наполнила деревянный кубок сбитнем.

Я внимательно посмотрела на них. Надо бы запомнить этих двоих, так как не было на их лицах ни презрения, ни раздражения, а только забота и сочувствие. А вот другие

смотрели с явным неудовольствием. И внешне эти двое как-то выделялись на фоне остальных. Более скромные наряды, отсутствие дорогих украшений и перстней, коих было в изобилие у других девушек. И смотрели те с высокомерием и даже плохо скрываемым превосходством. В их движениях читалась явная неохота мне прислуживать. Всем своим видом они показывали, что делают это по принуждению.

Интересно, кого же послали прислуживать княжеской невесте? Возможно это какие-нибудь боярышни или дочери богатых купцов или военачальников?

А между тем, день клонился к вечеру. Две мои конвоирши настойчиво сопровождали меня в соседнюю комнату, где под тяжелым пологом располагалась высоченная кровать.

Одна из товарок протянула ко мне руки, дабы помочь раздеться.

– Сама, – резко осекла её я.

– Не положено, – сурово ответила женщина, но руки всё-таки убрала.

Сейчас мне было глубоко начхать, что положено, а что нет. Мне хотелось лишь одного – поскорее остаться одной, и чтобы все, наконец, оставили бы меня в покое.

Обложенная со всех сторон подушками и укутанная одеялами, в летнюю-то жару, я наконец осталась одна.

Сначала думала, что не усну. Но, видимо мой организм решил иначе. Изрядно измотанная прошлой бессонной ночью, да и дорогой из своей деревни в Дмитров, я тут же по-

грузилась в крепкий тяжелый сон. Всю ночь мне снилась какая-то муть. То причитания Матрены рвали мне сердце, то плач сестер Морозовых. А ближе к рассвету мне приснился Ветер. Он стоял и просто смотрел. И было в его взгляде что-то такое..., такое странное, толи обида, толи злость.

А утром началось и завертелось. Сначала в комнату вошли обе мои конвоирши, затем дюжина молодых девушек, среди которых были и вчерашние лица. После них в помещение прошаркало несколько бабок в черных балахонах и каких-то монашеских уборах. Они тут же уселись на лавку под образами, перекрестились и затянули молитвы и церковные песнопения.

Меня снова купали, и снова причёсывали, а затем одедали. А вот одедали меня часа два, не меньше. Я за это время вновь успела вспотеть, устать и очень сильно проголодаться.

– Есть хочу, – тихо выдохнула я, ни к кому особо не обращаясь. Сейчас бы Казимир уже и стол бы накрыл с теплыми лепешками, медком, да мягким сливочным маслом. И чаёчек бы заварил из зверобоя и сушеной сладкой вишни. М-м-м.

– Не положено, – жестко отрапортовала одна из моих конвоирш, видимо услышавшая моё причитание.

– Потерпите, – тихо прошептала одна из девушек, – До венчания нельзя пищу вкушать.

Знать не передумал князек, жениться всё-таки хочет.

Я обреченно вздохнула, и позволила двум своим нена-

вистным надзирательницам и дальше делать своё дело, то бишь одевать меня.

Через несколько часов ритуальное укутывание невесты в кокон из двухсот слоёв было окончено. И было на мне столько всего, что я половину разглядеть даже не смогла. Сорочка короткая, сорочка длинная, рубашки, подъюбники, юбки, сарафаны, платки, покровы, фата из плотных кружев.

К тому времени, когда на мою голову поверх покрыва и фаты надели золотой обруч, я уже чувствовала себя на грани обморока. Было душно и адски жарко. Я почувствовала, как под нижней сорочкой по позвоночнику покатались капельки пота. Пошевелиться было кране трудно, так как подвенечный наряд невесты весил килограмм двадцать, не меньше. И надо учитывать мой собственный никчемный вес. Одним словом, передвигаться без посторонней помощи я не могла. Благо, что под руки меня подхватили девушки, да так и повели, а то бы я точно запуталась в этих многочисленных юбках и слоях.

Так мы и шли. Впереди важно шествовали две мои конвоирши, затем одна из бабок-причиталок с иконой Бога-матери в руках, так я их про себя назвала, так как от их многочасового причитания и завываний у меня кошмарно разболелась голова. После бабки с иконой шла я, в окружении девушек и поддерживаемая ими же по локотки. И замыкали процессию оставшиеся бабки-причиталки, которые чинно семенили за нами, и старались не отставать.

Куда мы шли? А пёс его знает... Откровенно, мне было уже всё равно, лишь бы поскорее выйти на воздух, и вообще, чтобы это всё уже скорее закончилось.

Венчание прошло, словно в тумане. Голова кружилась от ладана и запаха восковых свечей, от духоты и невыносимой жары. Перед глазами всё плыло. Да и если бы не плыло, то всё равно вряд ли бы я смогла разглядеть хоть что-то. Под плотным слоем тяжелой кружевной фаты, которая вам не из двадцать первого века невесомая и прозрачная, я ни то чтобы увидеть что-то, да я дышать нормально не могла.

Креститься в храме рука не понималась, хоть надо было это делать хотя бы периодически, но я чувствовала, что не вправе. Уж не знаю, какими глазами смотрели окружающие и сам священник на невесту, которая за время службы и самого таинства венчания ни разу не перекрестилась и не прошептала ни слова молитвы. Благо я этих взглядов не видела, даже если бы захотела, так как из-за этой ужасной фаты, все равно не смогла бы.

Не улучшила положения постоянно гаснущая свеча в моих руках. Кто-то из зевак, присутствующих в храме на венчании, даже молитвенно прошептал, что примета плохая. Примета? Да ладно? Подумаешь свеча. Вот языческая ведьма в православно храме, вот это и правда не очень по канону.

Ну и апогеем всего стало выпавшее из моей руки обручальное кольцо, которое я должна была надеть своему будущему супругу. Колечко громко звякнуло и покатилося, сде-

лав круг возле священника, и остановилось у моих ног.

В толпе раздался испуганный вздох. Что? Снова примета?

Может это и правда знак свыше? Не к месту я тут, я и сама это чувствовала, благо не видела суровых взглядов, смотрящих на меня с икон и образов. Но ощущала, что смотрели на меня святые с укоризной, как бы прося больше не осквернять святое место своим присутствием. Они просто с молчаливым упрёком терпели моё короткое здесь нахождение.

А тем временем, жених, так и не дождавшись от меня никакой реакции, сам поднял с пола колечко и надел себе на безымянный палец. Затем он подхватил с золочёной тарелочки кольцо поменьше и, выудив из складок фаты мою вспотевшую ладошку, окольцевал и меня.

Всё. Теперь уже не отвертеться.

В храме громко запели певчие. Священник, что-то продолжал монотонно бубнить. А я чувствовала, что ещё немного, и всё... Упаду прям тут.

Видимо это и произошло, так как очнулась я уже на улице, рядом кудахтали две мои конвоирши, а надо мной нависал испуганный княжич.

– Воды, – прошептала я, и одна из девушек тут же бросилась ко мне с полным черпаком прохладной воды.

А дальше меня вновь под белы рученьки повели в терем, правда в совершенно другие покои, где уже ждало с десятков боярышень, готовых броситься мне помогать и исполнять любую мою просьбу.

– Пожалуйте, княгиничка, – проговорила одна из разоде-
тых красавиц, фальшиво мне улыбаясь.

Окинув сборище девиц оценивающим взглядом, я выис-
кала двух вчерашних, что показались мне искреннее других.

– Вы двое, – указала я на них, – Поможете мне переодеть-
ся, а остальные вон.

Боярышня аж воздухом захлебнулась от возмущения, но
рвавшееся наружу недовольство сдержала.

А тем временем выбранные мною девушки вновь подхва-
тили меня под локотки и повели из княжеской светлицы в
другую комнату, где и стащили с моей головы и тяжеленную
фату, и несколько нижних юбок, оставив лишь на мне одну
нижнюю сорочку, тонкую рубаху и расшитый золотом сара-
фан.

Девушки испуганно причитали, что это против обычаев,
невеста должна быть одета в многослойный наряд. А я спра-
ведливо напомнила, что я уже не невеста, а жена, так как
венчание уже состоялось.

Одну звали Глашей, а вторую Машей, они были сестрами
и принадлежали одному из знатнейших, но изрядно обеднев-
ших родов княжества.

Девушки помогли мне умыться и привести себя в бо-
лее-менее божеский вид. И только Глаша закончила закреп-
лять на моей голове золотой обруч, как в комнату вошел кня-
жич.

Он долго и внимательно оглядывал меня, а затем не про-

изнеся ни слова, просто протянул руку и повел меня из покоев.

Впереди нас ожидал княжеский пир, который проходил в огромном зале, заставленном большими столами, которые просто ломились от различных угощений. В центре зала на возвышении стоял отдельный богато украшенный стол с двумя резными золочеными стульями.

Княжич провел меня к нему и усадил слева от себя, не выпуская моей руки. Напротив за центральным столом усеялась и княжеская семья, бояре и прочие приглашенные. За моей спиной тут же встали две мои девушки, готовые исполнять всё необходимое. Одна периодически подкладывала в мою тарелку теплые куски больших пирогов с птицей и яблоками. Вторая подливала в резной деревянный кубок что-то, напоминающее по вкусу медовуху.

Княжич не пил вовсе, да и ел мало. А увидев, что одна из моих девушек подливает мне в бокал, нахмурился и велел заменить напиток морсом или водой.

А вот гости за столами не стеснялись. То тут, то там поднимались полный чаши, слышались здравницы и пожелания любви и счастья, а также множества деток. Люди ели, пили, веселились, в центре зала кривлялись скоморохи под бречание гуслей и вой дудок. А мне было так тоскливо в этот момент, так противно и мерзко.

Зачем я это сделала? Зачем позволила?

Словно что-то почувствовав, княжич сильнее сжал мою

руку и посмотрел таким прожигающим взглядом. Он словно знал и предостерегал от глупостей.

– Ты теперь моя, – сурово напомнил он мне, – Ты обещала.

И я в очередной раз мысленно обругала себя за беспечность и за глупое необдуманное обещание.

– Я помню, – тихо ответила я, одаривая его злым взглядом и выдергивая свою ладонь.

Пир бы в разгаре. Некоторые из присутствующих уже изрядно захмелели. Всё чаще и чаще слышались смешки и пьяные непристойные замечания. Гости были веселы и явно не собирались расходиться.

А вот княжичу видимо думалось иначе. Он поднялся из-за стола и протянул мне руку со словами:

– Простите нас, дорогие гости, но моя супруга утомилась, – проговорил он, привлекая всеобщее внимание.

Я недоуменно уставилась на него, изумленно приподняв бровь, всем своим видом показывая, что ничего подобного, и я вовсе не устала.

В зале раздались смешки. Кто-то из особо подвыпивших даже проговорил что-то типа: «неймется княжичу» и «не терпится уже».

– Пойдем, – нетерпеливо процедил сквозь зубы новоиспеченный муженёк и вновь протянул мне свою ладонь.

Позорить на свадебном пиру новоявленного супруга я поостереглась. Чревато. Поэтому, нехотя вложив свою ладошку, я позволила ему увести себя в княжеские покои под

одобрительный гогот его друзей-приятелей.

В спальных покоях меня уже ждали мои девушки. Уж не знаю, как они оказались тут раньше нас, но при моём появлении, они практически кинулись мне в ноги. Ещё двое внесли в покои несколько подносов с едой и полные кувшины вина и морса. Водрузив всё это на небольшой столик, они сняли покрывало с большой высоченной кровати и, смущенно пряча глаза, застелили её новой светлой простынёй.

Когда две мои прислужницы решили помочь мне раздеться, их неожиданно остановил молодой князь.

– Я сам, – жестко произнес княжич, – Вон падите!

Девушки испуганно подпрыгнули и, низко поклонившись, тут же выскочили из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

А вот это было уже не добрым знаком. Парень был однозначно на взводе, а я же его эмоций совсем не разделяла. Хороша же у нас получится брачная ночька. От этой мысли я неприязненно поморщилась.

Почувствовав мой настрой, мужчина сделал ко мне решительный шаг. И я неосознанно попятилась от него.

– Послушай, тебе не кажется, что мы торопимся? – произнесла я, стараясь подавить в себе панику.

– Ты теперь мне жена перед богом и людьми, – напомнил он мне, – Поэтому, нет, мы не торопимся.

– Я даже имени твоего не знаю, – тихо проговорила я, делая ещё шаг назад и упираясь в изножье кровати.

– Моё имя Данияр, – ответил он, приближаясь и кладя

свои руки мне на плечи.

А в следующее мгновение он рванул с моих плеч сарафан и рубаху. Ткань затрещала по швам и стала расползаться под натиском грубой силы. А я от неожиданности растерялась и впала в немой ступор, совершенно не ожидая подобного отношения к возлюбленной жене.

Княжич, не стесняясь, содрал с меня оставшиеся лохмотья и бесцеремонно толкнул на кровать. Затем он быстро избавился от собственной одежды и, взгромоздившись на ложе, навис надо мной.

В свете свечей я увидела его потемневший взгляд, который тут же принялся блуждать по моему лицу, шее, плечам и груди. Его дыхание стало частым и прерывистым, руки задрожали, а изо рта вырвался толи рык, толи стон. Он впился влажным жадным поцелуем сначала мне в губы, потом принялся торопливо покрывать ими мои щеки и лоб, спустился на шею и плечи, а в это время его дрожащие руки блуждали по моему обнаженному телу.

– Я знаю, что не люб тебе, – прошептал он прерывисто между поцелуями, – Знаю, что не мил. Но я все сделаю, чтобы ты меня полюбила.

Он целовал, а у меня во рту был вкус пепла. Образно конечно. Просто в этот момент во мне что-то лопнуло, что-то сломалось, и я просто перестала чувствовать. Мне не было мерзко, тошно, противно или отвратно. Сейчас мне было совершенно всё безразлично. Какой смысл сопротивляться?

Есть ли в этом вообще какой-то смысл, если я сама на всё это добровольно подписалась? Я сама дала обещание, и сама позволила себя увезти, я сама добровольно стала его женой. Так чего уж теперь строить из себя святую невинность?

Да и на изнасилование, на самом деле, это не походило. Просто парень был очень нетерпелив и горяч. От избытка эмоций он плохо владел собой. Мужчина несколько раз пытался взять себя в руки, но получалось у него это плохо.

Поэтому я лежала и терпела. Ждала, когда всё это закончится.

– Настя, Настенька, любая моя, желанная, – продолжал он шептать вперемешку с торопливыми поцелуями.

А потом он толкнулся... Сначала не сильно и не глубоко. А затем..., не ощутив никакого сопротивления, княжич остановился, и я почувствовала, как всё его тело напряглось.

Он медленно отстранился, и я заметила, как каменеет его лицо.

– Кто? – тихим, но странно-хриплым голосом произнёс он.

Я сомкнула колени и отползла к изголовью кровати, непонимающе уставившись на него.

– Кто?! – закричал он вдруг неожиданно яростно и громко, – Кто?!!

Я вздрогнула, ощущая, как неприятный холодок побежал по моей коже.

– Тварь порченная! – снова закричал он, хватая меня за

лодыжку и притягивая к себе ближе, – Говори, кто?! Кто тебя поимел?

Вот сейчас мне стало действительно страшно. Его потемневшие от гнева глаза, искаженное в ярости лицо и вздутые вены на шее и руках не предвещали ничего хорошего.

– Ты обещала быть моей! – яростно зарычал он, оставляя на моей ноге синяки от своих пальцев.

– Обещала, и слово своё сдержала, – ответила я, отбрыкиваясь от не на шутку рассвирепевшего мужчины, – Но хранить тебе верность до свадьбы не клялась. Если ты не забыл, я была обещана другому.

Данияр замахнулся, хотел уже ударить, но вдруг столкнулся с моим холодным взглядом, полным лютой ненависти.

– Ну что же ты остановился? – ледяным тоном поинтересовалась я, даже не пытаясь уклониться или спрятаться, – Давай ударь. И наше соглашение будет расторгнуто. Одно движение твоей руки, и я буду свободна. Ведь ты мне обещал, что ни делом, ни словом меня не обидишь и не попрекнёшь.

Яростный пыл молодого князька таял на глазах. Он медленно опустил руки и в бессилии сжал кулаки.

– Кто это был? – наконец, подал он голос, – Это был тот кузнец?

– Нет, – замотала я головой, не на шутку испугавшись за своего бывшего возлюбленного, хоть сейчас и была уже абсолютно уверена, что чувства к нему угасли полностью.

– Кто тогда? – поднял он на меня свой недоумённый взгляд, – Кто это был? Я найду его и убью.

– Ищи ветра в поле, – тихо произнесла я, сама удивляясь, неожиданному каламбуру.

– Что?! Да ты издеваешься! – снова вскричал он, вновь выходя из себя и угрожающе надвигаясь на меня.

– Давай! Ну что же ты? Ударь меня! – не выдержали у меня нервы, и я повысила голос, – И меня никто и ничто больше не удержит.

Но мужчина бездействовал. Он уставился немигающим взглядом перед собой и тяжело дышал. А затем он схватил небольшой нож, что лежал рядом на столике в вазе с фруктами и надвинулся на меня. Я подобралась и приготовилась защищаться всеми возможными способами. Видимо, парень решил расправиться со мной по принципу: «так не доставайся же ты никому». Он замахнулся и...

И остриё ножа неглубоко чиркнуло по его руке чуть выше запястья. Алые капли крови окрасили ткань белой простыни, расплываясь по волокнам в жутковатом узоре. Выждав ещё с десятков секунд, Данияр стряхнул с запястья последние капли, затем оторвал от края своей рубахи длинную полосу материи и перевязал ею руку.

От созерцания происходящего, я снова впала в ступор, так как поведение князька было мне совершенно непонятно. А в следующее мгновение он снова схватил меня за лодыжки и яростно дернул на себя.

– Ты – моя! – зарычал он, накрывая меня своим телом, –
Моя!

А дальше было... жестко. Он не ударил меня, нет. Но он брал меня грубо и неистово. Словно хотел показать, кому теперь принадлежит моё тело, словно хотел застолбить, заклеить руками, губами и поцелуями. Он выл, ругался и рычал. Он бился на мне, словно от этого зависела его жизнь.

А я... Я словно оглохла и ослепла. И с холодной отстраненностью смотрела немигающим взглядом в его потемневшие от ярости глаза. Глаза в глаза.

Минута, две, три..., пять. Глаза в глаза. Равнодушно и холодно.

Глава 2

Данияр

В меня словно демон вселился. В одно мгновение из влюбленного и окрылённого страстью я превратился в сплошной комок ярости и ненависти. Возненавидел ли я её в тот момент? Сложно сказать. Но как говорится, от любви до ненависти один шаг.

Теряя контроль, я уже мысленно был готов разорвать это осквернённое тело подо мной. Но сдержался. Видит бог, какими невероятными усилиями мне удалось пресечь желание задушить мерзавку.

Она вынула из меня всю душу, вымотала все нервы, я разума лишился из-за неё. Сейчас мне больше всего на свете хотелось убить. Убить! УБИТЬ!!!

Но вместо этого я схватил девчонку за щиколотку и притянул к себе. А потом... я отпустил всех демонов, сидящих во мне, всю ярость и злость.

Я брал её жестко и неистово с одной лишь мыслью, что хоть тело её сейчас будет моим. На душу я уже не претендовал. Понимал, что после вот такого, она меня уже не полюбит. Я бы и сам себя возненавидел.

И словно подтверждая все мои мысли, она больше мне не сопротивлялась. Её абсолютно спокойный и равнодушный взгляд этих бездонных синих глаз словно издевался на-

до мной. Он будто надсмехался, говоря: «ну давай, удиви меня, покажи, на что ты способен».

Никогда в своей жизни я не видел ничего подобного. Даже представить не мог, что достаточно одного лишь её взгляда, и я почувствовал себя ничтожным, жалким, убогим, никчёмным, ни на что не способным.

Ярость новой волной накрыла меня. Да что же это? Как? Как она это делала?

Я бился на ней, брал глубоко и нещадно, а она лишь изредка кривила свои губы в издевательской усмешке, словно ничего не происходило особенного. И взгляд этот, униЗИтельно-холодный, он словно говорил: «ну давай, что ты там пыхтишь». От этого внутри у меня всё холодело и падало.

Кончить я так и не смог.

Скатившись с девушки, я лишь краем глаза уловил её надменно-холодный взгляд, полный презрения. Она меня призиРала?! Она?! Меня?!

Не выдержав, я ударил кулаком о стену, затем взял кувшин с вином и запустил его в дверь, потом сбросив всю еду со стола, я перевернул и его. Красная пелена упала на мои глаза, разум мой отключился, я рвал и метал, сокрушая все на своём пути.

А в это время она просто сидела на развороченной кровати, продолжая молча взирать на меня своим уничиЖительным взглядом, словно на назойливую муху или клопа.

Тяжело дыша, я уткнулся лбом в стену, сжимая в бессиль-

ной ярости свои кулаки.

– Успокоился? – ледяным тоном поинтересовалась она.

За спиной послышался шелест. Обернувшись, я увидел, что на Насте уже была надета длинная сорочка, скрывающая её наготу. И только несколько ярких пятен, оставленные мною метки, наливались багряным на её белой шее и плече.

– А теперь давай поговорим, – спокойно произнесла она, присаживаясь на краешек вывороченной кровати.

Я, словно обессиленный пес, тряхнул своей головой.

– О чём?

– Ну, хотя бы о том, что наше супружество явно не задалось, – развела она руками, указывая на творившийся в комнате погром, – Поэтому, я прошу меня отпустить.

Нахмурившись, я угрюмо уставился на неё.

– Я не люблю тебя, ты не любишь меня, поэтому..., – начала она.

– Нет, – не дал я ей договорить, – Ты моя жена, и принадлежишь мне. Мы венчаны в церкви.

На её лице отобразилась явная досада. Она поджала губы и, подобрав полы своей длинной сорочки, вскарабкалась на кровать и отвернулась к стенке, полностью игнорируя моё присутствие.

Во мне вновь поднималась ярость. И я чувствовал, что если останусь рядом с ней, то случится беда. Поэтому, скрипнув зубами, я развернулся на пятках и, прихватив с пола одежду, вылетел из опочивальни прочь, громко хлопнув две-

рью.

Глава 3

Настя

Уход новоявленного супруга был воспринят мною с большим облегчением. Однако, я ещё долго лежала и прислушивалась к разным звукам и скрипам, всерьёз опасаясь возвращения разгневанного мужчины. Но на моё счастье, княжич в опочивальне так больше и не появился.

Уже под утро, поддаваясь усталости, я смежила веки, как вдруг откуда-то из угла послышалось:

– Пс, пс.

Повернув голову, я увидела не что иное, как домовую нечисть. Передо мной стоял самый обыкновенный домовый. Мужичок был примерно одного вида с нашими деревенскими домовыми, разве что костюмчик побогаче, да тяжеленная связка ключей на поясе. А так, ничего особенного.

– Давай завтра, а? – панибратски отмахнулась я от домовика.

Домовой стоял с ошарашенным лицом и раскрытым ртом в виде застывшей буквы «о».

– Ведьма! – взвизгнул нечисть, от чего я мысленно поморщилась, – Знать, правы были дворовые, не иначе как конец пришёл роду княжескому, раз наследник ведьму в жены взял.

Домовик принялся причитать и рвать на себе волосы, а я

же медленно, но верно приходила в состояние бешенства.

– А ну-ка, тихо! – довольно грубо осекла я нечисть, – Ты кто такой? Зачем пришёл? И почему именно сейчас, а не вчера? Ведь я уже второй день тут.

Домовик снова вытаращился во все глаза, и с ужасом поговорил:

– Так не мог я, тут ведь службу справляли, молитвы читали. Перед свадьбой священник приходил, да покои окроплял, – принялся объяснять домовик.

– Ясно, не объясняй, – махнула я рукой, понимая, что к чему, – А теперь зачем явился?

– Не поверил я, что ведьму в храм допустили, что княжич наш пресветлый женился на...

Он оборвался, увидев мой злобный взгляд и поднятую вверх бровь.

– На мне, то бишь? – закончила я за него ледяным тоном.

– Ага, – кивнул он с облегчением, – А теперь и сам вижу, что правда. Ты – лютой смерти дочь, пришла, чтобы жизни наши забрать, – обречённо закончил мужичонка.

– Да больно надо, – снова махнула я на него рукой, – Не нужен мне ни ты, ни княжич твой пресветлый, ни всё это княжество в придачу. А уж жизни ваши и подавно.

– Ээ? – снова удивленно открыл рот домовой.

– Не для того меня Князь Кощей сюда послал, – многозначительно произнесла я.

– А для чего? – ещё больше округлил глаза-плошки му-

жичок и придвинулся, боясь не услышать что-то важное.

– Для равновесия, – сухо ответила я, – Для поддержания миропорядка. Чтобы нечисть распоясавшуюся приструнить, да от нежити землю избавить.

– О! – ещё больше удивился он.

– Я с этим неплохо справлялась в своей деревне, пока княжича не повстречала. А он словно с цепи сорвался, всё проходу мне не давал. Я забавою его стать не захотела, так он в жены взять решил, – развела я руками, вкратце рассказывая всю недолгую историю наших взаимоотношений.

– А обо всём остальном, думаю, тебе самому, как домовику, ведомо, – указала я взглядом на творившийся вокруг беспорядок.

– Не любишь ты его, – удручённо покачал он своей головой, – А вот он тебя сильно любит. Видел я, как смотрел он, как страдал. Ведь не может он без тебя.

– Да не нужна мне его любовь. Тем более такая, – с досадой вспыхнула я, оттягивая край ворота сорочки, указывая на яркие синяки на своей коже.

– Ну не побил же, – встал на защиту горе-муженька домовик, а затем махнул рукой, – А то следы страсти, а не ярости. Молодой он ещё, глупый, да горячий. Остепенится, да успокоится. Дай срок.

Мне оставалось лишь покачать головой, да тяжело вздохнуть.

– Вот что, девонька-княгиничка, раз уж не со злом ты к

нам пожаловала, так и от нас зла не будет, – торжественно заявил домовый с поклоном.

– От кого это, от нас? – заинтересованно посмотрела я на него.

– От всей посадской домовый нечисти, – ответил он с важным видом, – Я, почитай, над всеми домовыми, дворовыми, банными и прочими духами, начальствую. Так что, не переживай, ведьмочка, где надо – поддержим, где трудно – поможем, где сама не поспеешь – подсобим.

– Как хоть звать то тебя, умывальников начальник и мочалок командир? – снисходительно усмехнулась я.

– Фомой кличут, – улыбнулся в бороду мужичок, а потом вскарабкался на лавку и притушил свечи, – А теперь спи, давай. Утро вечера мудренее.

А утро началось с неожиданного появления в покоях самой княгини и её многочисленной свиты из бабок-причиталок, боярынь и боярышень, и прочих девиц.

Увидев разгром, княгиня сморщила нос.

– Видимо у молодых была горячая ночька, – сказала она с издевкой, бросив взгляд на меня.

Тем временем девушки с поклоном приблизились ко мне и принялись переодевать, смущенно отводя взгляды от синяков и засосов на моей коже. А одна из боярынь подошла к кровати и сдернула смятую простынь, удовлетворенно качнув головой. Подойдя к княгине, она молча указала на несколько бурых пятен на простыне и скрылась за дверью,

унося свой трофей. Девушки стыдливо зашущукались.

– Ну, вот теперь всё как следует быть, – с достоинством проговорила княгиня, оглядев меня с головы до ног, когда две уже знакомые мне девицы закончили приводить меня в порядок, – Я тут тебе девушек сенных подобрала в услужение.

Княгиня повелительно махнула рукой, и передо мной в рядок выстроилось с десятков девиц разной наружности, в числе которых были и Глаша с Машей.

Что требовалось от меня в тот момент, я честно не понимала. Возможно, женщина ждала от меня благодарности или ещё чего-то в этом роде, но, увы, не дождалась. Величаво поднявшись с табурета, княгиня выплыла лебедем из моей опочивальни.

С уходом государыни, сразу стало как-то легче дышать. И видимо не только мне, но и моим прислужницам, которые тут же свободно выдохнули и принялись за привычные им дела. Одна взбивала подушки, вторая перестилала постель, третья открывала окна, четвертая распахнула дверь в смежную комнату и начала накрывать там стол к завтраку. Четверо уселись на лавки подле окна, достали из сундука рукоделия и принялись вышивать, а последние две ловко орудовали длинными деревянными челночками, создавая витиеватое кружево прямо на моих глазах. Одним словом, все были пре деле. И это я ещё молчу, что сопровождалось всё это мелодичным девичьим пением.

– Извольте откусать, княгиничка, – обратилась ко мне одна из девиц, лицо которой я раньше не видела.

– Чем заняться желаете? – подошла другая девушка, когда я немного утолила свой голод молочной пшеничной кашей и теплым хлебом с маслом.

– А чем я могу заняться? – осторожно поинтересовалась я.

Девушки удивлённо переглянулись. Очевидно, их немало позабавил мой вопрос.

– Вышивать можете, вязать, молитвы читать, псалтырь листать, – сухо произнесла самая рослая, выделяющаяся на фоне остальных богатым нарядом, – Самое достойное занятие для княжны.

И тут я заметила, как ещё две разодетых девицы между собой зашептались:

– Псалтырь? Да она ж поди и грамоты-то в глаза не видела. Куда ей, селянке худародной.

Замечание оказалось услышанным не только мной, но и другими девушками. Глаша раздраженно шикнула на языкастых девиц, а Маша злобно наступила на ногу обидчице, от чего та громко ойкнула.

– А вы, значит, все грамотные? – сверкнула я глазами, и почувствовала, как вокруг меня распространяется прохлада, – Как звать?

Девушки что-то пролепетали, кажется, имена и фамилии, а также кем являлись их отцы, и к какому принадлежали ро-

ду. Можно подумать, меня это как-то волновало. Я особо не старалась запомнить, а вместо этого внимательно рассматривала выражение их лиц, одежду и украшения. А посмотреть было на что. На лицах читалось откровенное презрение и превосходство. Уж не знаю, насколько были приближены к князю их родичи, но эти трое однозначно считали себя выше меня, да они и не особо пытались скрыть своего отношения.

А вот это было плохо. Если не поставить себя сразу, то всё, сожрут и не подавятся. Поэтому...

– Ты, – ткнула я пальцем в самую разодетую товарку, – Сколько будет восемь прибавить два, да вычешь пять?

– Аа? – удивленно воззрилась та на меня.

– Пять, – послышался шепот от кого-то за моей спиной. Ага, значит, там есть грамотные, в отличие от этих троих, которые стояли и злобно сверкали на меня своими глазищами.

– Вон пошли, все трое, – звучно произнесла я, а напоследок добавила, – Мне дуры в услужении не надобны.

Поджав губы и злобно сверкнув на меня своими глазищами, девицы выскочили из княжеской светёлки, словно ошпаренные.

– Теперь вы, – повернулась я к оставшимся замёрзшим статуям, – Скажу сразу, что кому из вас претит прислуживать бывшей крестьянке чумазой, то скатертью дорожка. Вот Бог, а вон порог. Удерживать никого не буду.

Замолчав, я многозначительно окинула всех присутствующих взглядом. Ещё две девицы выскочили из светлицы.

Вот умницы, правильно, куда мне такой многочисленный курятник.

– А вы значит, готовы прислуживать? – внимательно всмотрелась я на оставшихся пятерых. Те согласно кивнули.

Я молча оценивала стоявших передо мной девушек, а те терпеливо ждали, смиренно опустив глаза в пол.

Глашу и Машу я уже оценила, и даже успела пообщаться. А вот об этих троих я пока ничего не знала.

– Вот что, милые, – ровным голосом произнесла я, – Раз уж решили быть со мной, то и я не обижу. За хорошую и верную службу награжу, а ежели, что худое прознаю, то и наказание будет по вине. За предательство и сговор, уж не обессудьте, голова с плеч.

Девушки только переглянулись, но ничего не сказали. Понятливые.

– Глаша, Маша, – позвала я сестер в свою опочивальню и кивнула, чтобы те плотно прикрыли за собой дверь.

Девушки встали рядом, всем своим видом изображая полное внимание.

– Не могли бы вы мне разъяснить, что я могу, а чего нет, как княжна, – смущенно попросила я их.

Сёстры облегчённо выдохнули и понятливо переглянулись.

– Да вы сядьте, – разрешающе махнула я им на лавку возле моего стула, – В ногах правды нет. А мне просто жизненно необходима информация.

Следующие два часа, сестры Медведевы подробнейшим образом рассказывали мне об особенностях жизни правящего рода, а конкретно о быте и обязанностях княжны, супруги молодого князя.

Как оказалось, обязанностей было не много: почитать своего мужа, не перечить его воле и воле князя, с уважением относиться к родичам супруга, и самое главное, а точнее наипервейшее – подарить наследника князю.

Прав было ещё меньше, чем обязанностей. Княжна должна была основную часть времени сидеть под охраной в тереме, под присмотром мамок, нянек, боярынь, боярышень, и прочих знатных девиц, коих толпами отправляли в услужение женским представительницам княжеского рода, дабы хоть как-то засветиться перед князем, а там глядишь, и пристроить своих девиц.

Мне, как княжне и замужней женщине, допускалось изредка выходить на прогулку. Но не одной разумеется, а с целой свитой. Либо в обществе супруга и с его охраной и окружением.

Также не воспрещалось посещать храмы и церкви. Тут достаточно было пары девиц в качестве свиты и пары дружинников в качестве охраны.

А в целом, та заносчивая девица была права. Из всех доступных мне по статусу дел и занятий оставалось лишь вышивать, вязать, молитвы читать, да псалтырь листать. Вот самое достойное занятие для княжны. А остальное? Ай-ай-

ай, невместно, не по чину, не положено.

– И это всё? – с ужасом приподняла я брови.

– А что ещё желаете? – с непониманием воззрились на меня сёстры Медведевы.

Я досадливо закусила губу и с тоской посмотрела на цветной витраж окошка, за которым ярко светило солнце и жизнь была ключом. И в очередной раз пожалела о своём таком опрометчивом поступке. Эх, была бы сейчас свободна, как ветер в поле. Ветер...

– Не огорчайтесь, княгиничка, – ласково прошептала мне Маша, видя моё удручённое состояние, – Сейчас на пир пойдете, там и повеселеете.

Оказывается, княжеские свадебные пиры могли длиться неделями. На таких празднествах обычно вино лилось рекой, угощения не поспевали готовиться, а гости не успевали трезветь.

И правда, уже после полудня за мной пришли две разоде-тые боярыни, которые вместе с двумя моими прислужницами и сопроводили меня на свадебный пир.

Княжич уже сидел за столом и хмуро смотрел на дурацкие кривляния скоморохов, которые из кожи вон лезли, стараясь развлечь пресветлого. Моё появление супруг проигнорировал, старательно делая вид, что меня не заметил.

Я молча заняла своё место и с унылым видом принялась разглядывать подвыпившую веселившуюся толпу. Скука смертная, тоска зелёная, да ещё и угрюмый видок мужень-

ка настроения не улучшал.

Князь и княгиня, как и вчера, продолжали восседать за центральным столом. Государь был уже изрядно выпивши, а вот его супруга казалась трезвой, как стёклышко. Она то и дело подливала своему мужу в чашу, а к своей даже не прикасалась. Может здесь женщинам на пиру не положено выпивать? Я взглянула на соседние столы и заметила, что местные боярыни только чуть пригубливали напитки, не злоупотребляя ими.

А между тем, мой муженёк продолжал активно прикладываться к кувшину с вином. И я не смогла не заметить, сколь разительно отличалось его поведение от вчерашнего. Вчера он не пил вовсе, а сегодня словно решил утопиться в вине.

Так прошло ещё несколько дней. Муж мои покои более не посещал, разговоры не заводил, а на пирах игнорировал. Я маялась скукой и бездельем, раздражаясь и злясь на саму себя всё больше и больше. Ни раз и не два пожалев уже о содеянном. В глубине души надеясь, что молодой князёк, разочаровавшись во мне окончательно, вернёт меня обратно, в мой родной и такой любимый дом, в село Грязное.

Оставалась лишь одна проблемка, маленькая такая сложность, размером со слона. Мы были венчаны в церкви. А соответственно, это не предполагало возможности развода. Как говорится, только смерть разлучит нас. Только вот чья смерть? Его или моя?

Убивать я пресветлого не хотела. Оставался вопрос: а мог

ли княжич настолько возненавидеть меня, чтобы решиться избавиться от опостылевшей жены?

Ответ на этот вопрос я получила следующим же вечером.

Отослав всех своих девушек отдыхать, я уже почти уснула, как вдруг услышала тихий скрип двери. Через чуть приоткрытые веки я увидела, как в комнату вошел мужчина. Он тихой поступью подошел к кровати и замер. Ведьминское зрение тут же узнало знакомые черты горе-муженька, а обострённое обоняние уловило чуть заметный запах алкоголя.

Хм, если мой «дражайший» супруг продолжит в том же духе, то через пяток лет я смогу обойтись и без развода. Цирроз печени никто не отменял.

Мужчина продолжал тихо стоять возле кровати, молча разглядывая меня якобы спящую. У меня уже изрядно затекло тело. Оказывается, лежать в одном положении и стараться дышать спокойно и размеренно, словно во сне, не так-то и просто. А тем более непрерывно ощущать на себе посторонний внимательный взгляд.

Через некоторое время, княжич устало потер своё лицо ладонями и опустил на пол возле кровати, облокотившись спиной об изножье. Прошло минут двадцать, в течение которых я тщательно вслушивалась в издаваемые им звуки, ведь в поле моего зрения осталась лишь темная макушка волос, да кусочек локтя на перине, на который эта самая макушка была уложена.

Ещё через десяток минут до моего слуха донеслось тихое сопение. А ещё через пяток, я и сама уснула крепким сном младенца.

На следующую ночь ситуация повторилась точь-в-точь. Весь день муженек упорно хмурил брови и игнорировал моё присутствие за столом, а поздно ночью вновь прокрался в мою опочивальню, словно вор.

На третью ночь, скрип двери уже не вызвал во мне испуга, а скорее повеселил. Было забавно наблюдать за взрослым мужчиной, который, словно ребенок, неловко переминается возле кровати жены, думая, что его не видят и не слышат. В этот раз он перетаптывался немного подольше. Я даже заметила, как он занес надо мной свою руку, а затем вдруг замер и осёкся. Ладонь так и не коснулась меня, а безвольно упала. Что он хотел сделать? Ударить? Прикоснуться? Погладить?

На четвертую ночь, визитёр изрядно припозднился. Я уже было решила, что этот извращенец-скопофил уже насмотрелся, и хоть одну ночь да даст мне нормально поспать. Но нет, блин, ошиблась. И покачивающаяся в темноте фигура это подтвердила. А ещё мне в нос ударил сильный запах алкоголя.

Да он набрался что ли?

– Ведьма, – горестно прошептал княжич сам себе, хватаясь за край балдахина кровати и откидывая его в сторону.

– Какая же ты ведьма, – посокрушался он, приваливаясь к столбику, держащему тяжёлый полог, – Я всё для тебя, а

ты...

Его пьяный жалобный шепот становился всё громче.

– Вот скажи мне, чего тебе ещё надобно? Я же люблю тебя, – он прикрыл лицо ладонью и тяжело вздохнул, – А ты? А тебе не надо ничего. Ни любви моей, ни ласки.

Я открыла глаза и посмотрела на пьяное существо, что шатаясь, стояло сейчас возле моей кровати. И показался он мне вдруг таким обиженным и несчастным, что где-то очень глубоко в душе у меня шевельнулась жалость. Лишь всего на миг. А в следующее мгновение её перекрыла жалость к себе.

– Отпусти меня, – тихо попросила я его, и от моих слов княжич вздрогнул.

Наши глаза встретились, и я заметила, как потемнел его расфокусированный взгляд.

– Нет, – произнёс он жестко и пьяно встряхнул головой, – Ты моя жена.

– Не люб ты мне, – всё также тихо напомнила ему я, – Отпусти.

– Нет. Нет, нет, нет, – снова затряс он головой.

А потом в мгновение ока, он вдруг оказался возле меня, хищно нависая всем телом.

– Мне уже плевать, – вдруг выдал он, обдавая меня алкогольными парами, – Ты моя, и больше ничья. И я заставлю тебя смириться с этим.

Его крепкие руки вдруг прижали меня к себе и сильно стиснули. Его рот беспорядочно блуждал по моему лицу,

шее плечам, и снова возвращался к губам.

– Хорошо как, – протянул он тоскливо, не чувствуя сопротивления и сильнее стискивая меня в своих крепких объятьях.

Руки сами потянулись обхватить его лицо, проведя по нему ледяными ладонями.

– Ммм, – застонал он, прикрывая веки.

– Хорошо тебе княжич? – вкрадчиво поинтересовалась я, опуская заледенелые ладони на его плечи и грудь.

– Даа, – простонал он глухо и покачнулся, выпуская меня из своей хватки.

– А теперь? – я снова провела ладонью по его рукам и плечам, ощущая, как всё вокруг стынет от холода, – Теперь? Тебе нравится?

– Дааа, – снова прошептал он, повалившись на кровать и прикрывая веки, – Продолжай, не останавливайся.

Подавая ещё больше холода в ладони, я вскарабкалась на кровать и, еле касаясь, провела ими по его щекам, замечая, как медленно синеют его губы.

– А сейчас? – снова поинтересовалась я у него, – Сейчас тебе тоже хорошо?

Мои ладони огладили его уже похолодевшую кожу и спустились на грудь мужчины.

– Дааа, – чуть слышно прошептал он онемевшими губами.

Я взглянула в его широко распахнутые глаза с расширенными, словно у наркомана, зрачками, устремленными ку-

да-то в пространство. А под моей ледяной ладонью ещё пока билось его сердце.

Вот оно здесь, рядом. Одно движение моей руки, и оно остановится. Я уже чувствовала, как замедлялся пульс, как остывала горячая кровь.

Одно лишь движение, и я стану свободной. Свободной!

Глава 4

Яростно сжав кулаки, и ругая себя последними словами, я чуть ли не с ноги распахнула дверь опочивальни.

– Дура! Идиотка! Свобода была так близка, а я! – я готова была рвать на себе волосы от малодушия, но где-то в глубине души всё-таки радовалась, что не смогла этого сделать. Не убийца я.

– Маша! Глаша! – громко рявкнула я, и из соседней светёлки в одних сорочках выскочили всклокоченные сёстры Медведевы.

– Мой ларец с книгой и короб с травами, – отдала я приказ, и девушки без лишних вопросов бросились из покоев, – Да углей горячих захватите.

Через десять минут крепкий ореховый отвар на стеблях эхинацеи был готов и даже немного остужен.

– Надеюсь, я об этом не пожалею, – произнесла я и, склонившись над болезным муженьком, со всей дури влепила ему пощёчину. От души так, со всей приятностью.

А затем ещё одну, ну и для верности напоследок ещё. Не удержалась, блин. Вошла во вкус, так сказать.

– Ммм, – протянул тихо княжич, и из его лопнувшей губы потекла кровь.

– Очухался? – без всякой деликатности попыталась при-
везти я его в чувства, продолжая похлопывать по щекам.

Правда уже без того энтузиазма, но всё равно довольно ощущимо.

– Пей, давай! – приподнимая ему голову, приказала я.

– Что, что это? – вяло трепыхнулся он, но я почти насильно влила отвар ему в рот.

Проглотив, он закашлялся.

– Моча лошадиная, – спокойно произнесла я, пожимая плечами.

– Что? Что ты сказала? – с отвращением и ужасом завопил он.

– Очухался! Заговорил! – криво усмехнулась я, – Значит, жить будешь.

– Пошутила, да? – успокаиваясь, проговорил он, напряженно всматриваясь в моё лицо.

Я пожала плечами и накинула на себя богато-вышитый халат.

– Кто знает, кто знает, – загадочно произнесла я и поспешила выйти из спальни.

– Подожди, – окликнул он, и я обернулась, – Не уходи. Прошу.

Я медленно развернулась и, подойдя к кровати, окинула мужчину задумчивым взглядом.

– Не уходи, – снова попросил он и добавил, – Не трону, обещаю.

Уснул парень быстро, а я продолжала сидеть на краешке кровати и от скуки рассматривать мирно сопящего мужчину.

Ну что сказать, он был хорош. Я бы даже сказала, по-своему привлекателен и красив, какой-то благородной красотой. В нём чувствовалась стать и некий аристократизм. Если кузнец Данила привлекал внимание своей богатырской сутью, большим разворотом плеч, сильными молодецкими руками, мощным телосложением, то Данияр притягивал взгляд своей благородной статью, строгостью мужской красоты, без всякой слащавости и манерности. Но конечно, в сравнении с Ветром княжич несколько проигрывал. Во всяком случае, на мой взгляд. Было во внешности Ветра что-то такое неестественно привлекательное, а точнее в его человеческом облике. Что-то слишком правильное, слишком совершенное и идеальное. Он по меркам мужской красоты был и строг, и суров, и мужественен, и привлекателен, и обаятелен. Слишком безупречно слепленный, чтобы быть человеком. Люди не могут быть столь совершенными, без малейших изъянов. Так не бывает. Но он и не человек.

Мысли о Ветре вновь вернули меня в прошлое, которое я так усиленно пыталась забыть. Что толку горевать о том, что не сбылось. Что толку думать о том, кто никогда не сможет быть рядом.

Хотела ли я, чтобы на месте княжича сейчас был другой? Чтобы вместо серых глаз на меня смотрели голубые? Чтобы не темные волосы, а светлые щекотали мне кожу, когда наши губы сливались в поцелуе?

Я хотела. Но всячески гнала эти мысли. Он не мог разде-

лить со мной мою короткую человеческую жизнь, а я не могла требовать от него, чтобы он жертвовал своим бессмертием ради меня, никчёмной человеческой ведьмы, жизнь которой столь хрупка и быстротечна.

Поднявшись с кровати, я подошла к окну и распахнула цветной витраж. В лицо ударил свежий утренний ветерок. Светало. Где-то вдалеке кричали петухи. С двора слышался лай собак.

– Княгиничка, – тихо позвала меня Глаша, боязливо заглядывая в опочивальню, – Не спите?

– Тш, – прислонила я палец к губам, показывая, чтобы та была тише и не разбудила княжича.

Девушка радостно заулыбалась, смущенно покраснев, увидев спящего на моей кровати супруга.

– Одеваться изволите? – шепотом спросила она.

– Да, – кивнула я, – И умываться тоже.

Глаша тихо притворила за собой дверь и уже обратилась к сестре:

– Маша, беги самовар ставь. Княжна, приказала.

– Никак помирились? – с радостью спросила Мария, – Вот радость-то!

– Дай-то Бог, – ответила ей та.

Свадебные пиры наконец завершились, и моё существование всё больше и больше напоминало птицу, запертую в золотой клетке. Почему существование? Да потому что жизнью это не назовёшь.

Одно и то же изо дня в день. Утром подъём, умывание и одевание, затем завтрак, потом прогулка под стенами кремля в окружении мамок, нянек и боярынь, потом обед, на который иногда заглядывал молчаливый и угрюмый муженёк. А вечером неизменно вся княжеская семья собиралась на семейный ужин. Вот тут за редким случаем допускалось присутствие кого-то из особо приближённых бояр.

Я возненавидела вечера, а выход к ужину воспринимала как отбывание повинности. А как по-другому, если все вокруг относятся к тебе как к пустому месту, не считая должным не то чтобы поздороваться, а даже взглядом удостоить молодую жену наследника княжеского рода.

Бояре открыто презирали за худородность, князьи люди и прихвостни княжеского двора посмеивались и надсмеялись, за спиной конечно, не открыто. Князь меня просто не замечал, княгиня относилась с издевательски-преувеличенным снисхождением, как к очередной глупой забаве или кратковременной дурости своего пасынка. Да, он не был её сыном. Князь Дмитрий, или как тут говорили «Димитрий», женился на Евдакии Матвеевой не так давно, всего лет пять назад. Уже не молодая, но весьма привлекательная женщина покорила сердце сурового князя Радонежского. Сам же княжич относился к мачехе с холодным почтением, держась отстранённо и вежливо.

Единственный, кто мог бы меня поддержать в этом гадюшнике, так это Данияр. Но, увы, мой «дражайший» супруг

предпочёл этого не делать. Общение наше так и не налажилось. Муж по-прежнему меня игнорировал, да и по ночам приходиться перестал.

Радовалась ли я такому холодному поведению своего мужа? В какой-то степени, да. Признаться честно, его любовь была мне в тягость, да и воспоминания о нашей первой брачной ночи ещё свежи в памяти. Ну вот не отпускала меня обила, что поделаться. Видимо, и его она не отпускала.

И вот теперь мы имели то, что имели. Мне оставалось лишь надеяться, что пресветлый наконец осознает, что брак со мной ни к чему хорошему не приведёт, не будет в нём счастья. И я, наконец, вернусь домой. Хотя такой исход был мало вероятен. Ох, и натворила же я дел.

А между тем, сплетни и слухи о том, что между молодожёнами всё не так гладко, уже поползли по кремлю. О том, что молодой князь не появляется в опочивальне своей молодой жены, стало известно довольно быстро. А вот причину не знал никто. Ведь большинству и невдомёк, что это я сама не поощряю его визиты. Короче, одним словом, не горю желанием, в прямом и переносном смысле. Нигде и ни капельки.

Но людскую молву, на самом деле, причины и не интересовали. Они с удовольствием выдумывали их сами, одну забавнее другой. О боги, чего они только не нафантазировали. Какой я только не была. Говорили, что я ушибная, под одеждой страшная и уродливая, у меня ожоги и парша, а также одна нога короче другой, по два мизинца на ступнях, и на

десерт – бородавки по всему телу. Одним словом, несчастный княжич совокупляться с таким страшилищем не хочет.

Я облегченно вздыхала и про себя посмеивалась. Не хочет, ну и не надо. Мне же лучше.

Но была и другая сторона у этой медали. Все девицы от четырнадцати до двадцати пяти лет уже в открытую бросали на молодого князька свои сочувственные взгляды, а их родители откровенно неприязненные и ненавидящие на меня. А вот это уже не очень хорошо. И поскольку большинству было доподлинно известно, что пресветлый ко мне охладел, то бояре и прочие приближенные уже почти в открытую пихали ему своих дочерей. А учитывая, что всё это происходило перед светлыми очами княжеской четы, то я могла с уверенностью предположить, что и с их негласного одобрения. А вот это было уже совсем плохо.

Глупой я себя никогда не считала, и быстро сообразила, что подобное положение дел может обернуться для меня весьма плачевно. А точнее моя вторая драгоценная жизнь может закончиться, так толком и не начавшись.

И первый звоночек прозвучал сегодня утром. Одна из девушек, имя которой я всё время забывала, подала мне к завтраку ещё тёплый кисель. Кисели я с детства не любила. Поэтому уже было приготовилась отодвинуть в сторону противный тягучий напиток, как вдруг меня неожиданно смутил легкий мускусный запах. А учитывая моё чуткое ведьминское обоняние...

Этот чуть горьковатый аромат невозможно было спутать ни с чем. Спасибо книге покойной бабки Ядвиги, в которой говорилось об одном крайне коварном растении с чуть заметным терпким запахом, сок которого был особо ядовит.

– Глаша, – подозвала я одну из своих девиц, которая тут же подошла с поклоном, – Затвори-ка дверь, да ключ мне отдай.

Дождавшись, когда всё будет исполнено, я обратилась к той самой девице, что подавала мне завтрак.

– Подойди-ка сюда, милая, – проговорила я ей нарочито ласковым голосом, наполняя до краёв небольшой глиняный стаканчик тягучим напитком.

Девушка напряжённо уставилась на меня, испуганно выжидая.

– Пить хочешь? – заботливо поинтересовалась я.

Девушка медленно сглотнула, а затем покосилась на запертую дверь.

– Пей, – пододвинула я ей бокал.

– Я не смею, государыня-княжна, – начала лепетать она, но я жёстко прервала её.

– Пей!

Я щелкнула пальцами, и сёстры Медведевы схватили её за руки, крепко удерживая на месте.

– Что же ты, милая, – снова перешла я на ласковый тон, – Не побрезгуй княжеским угощением.

А в следующее мгновение я с силой схватила её за ниж-

нюю челюсть, заставив открыть рот. Глаша и Маша по-прежнему удерживали её за руки, не позволяя вырваться.

– Помилуйте, государыня-княжна! – вдруг взмолилась несчастная, падая на колени, – Не губите!

Так, уже теплее.

– Давай так, – предложила я ей, отходя в сторону и усаживаясь на высокий резной стул, – Ты рассказываешь всё, что знаешь. Кто тебя подослал и зачем. В противном случае, я заставлю тебя выпить содержимое этого кувшина.

Девушка закрыла лицо руками и заплакала.

Всё оказалось до банального просто. Один из приближенных к князю родов прочил наследнику свою невесту. А он возьми, да и женись на худородной. Да так внезапно, что боярин и предпринять ничего толком не смог. Не говоря уже о том, что и смотрин устроено не было с традиционным выбором невесты, чин по чину, так сказать. Неуважение, однако, к прочим родам благородным, да древним. Не смог глава рода с говорящей фамилией Верховодов Всеволод Иванович смириться с такой несправедливостью, а уж дочка его, Любаша, и подавно. Как она горевала. Грозилась все космы вырвать сопернице, то бишь мне. Ну-ну. Пусть попробует, руки отсохнут.

От упоминания пресловутого имени Любаша, у меня оскоминой свело лицо. Ну вот не ладилось у меня в этой жизни с обладательницами этого прекрасного имени. Остерегаться мне их теперь что ли?

– А ты, значит, из рода Верховодовых? – уточнила я у девицы, когда та закончила свой рассказ.

– Да, – вяло кивнула та, всхлипывая.

– А кем тебе приходится сам боярин Всеволод Иванович? – поинтересовалась я.

– Дядюшкой, – тихонечко ответила она.

– Ясно.

А потом она начала плакаться, что сама она ни за что не посмела бы навредить жене наследника. Только угрозы дяди да регулярные побои вынудили её решиться на такое. Она была бесприданницей на содержании и попечении у богатого, но жестокого дядюшки, и не выполнить приказ не могла.

– Помилуйте, княгиничка! – вновь взмолилась девушка, кидаясь мне в ноги.

Я призадумалась. Желание влить отраву в глотку этой девице никуда не делось. Но с другой стороны, что это даст? Не эта, так найдётся другая. И где гарантия, что среди оставшихся четырёх девушек нет подосланных соглядатаев и убийц. Но и спускать подобное я не собиралась. Как же поступить?

В преданности сестер Медведевых я была относительно уверена. Не полностью, конечно, но всё же. Ещё оставалась Софья Ильина – дочь одного из богатейших купцов, и Лукерья Антипова – дочь ссыльного обедневшего боярина Кондрата Антипова. Н-да, ну и компанию мне княгиня подобрала. Хотя, чему тут удивляться? Неужто кто из влиятельных

и благородных отпустит свое чадушко худородной прислуживать? Нет, конечно. А вот дочерям обедневших, да опальных, да торгашам каким-нибудь, это занятие в самый раз будет, их не жалко. Каждый знай своё место.

Размышляла я не долго. И памятью свои же собственные слова, произнесла:

– Говорила я Вам, что за хорошую и верную службу награжу, а ежели, что худое прознаю, то и наказание будет по вине. За предательство и сговор, уж не обессудьте, голова с плеч.

Девушка у моих ног в ужасе сжалась, Маша и Глаша согласно кивнули, а Софья и Лукерья испуганно переглянулись.

– Да, государыня-княжна, – тихо произнесли девушки.

– Так тому и быть, – тихо припечатала я и пододвинула поближе к девушке стакан полный киселя.

Глава 5

Мария

Увы, слухи о том, что молодую княжну попытались отравить, пресечь не удалось. Как только бездыханное тело несчастной несостоявшейся убийцы вынесли из покоев, тут же в тереме поднялась настоящая суматоха. Как? Когда? Кто осмелился?

Узнав о случившемся, княжич лютовал.

– Истинный бог, – клялась ему моя сестра Глаша, а я, Соня и Лужка согласно кивали и крестились, – Не знали мы, что отравка в киселе. Ведать не ведали. И ежели бы Дуняша случайно его не выпила, то быть бы нашей княгиничке тогда мёртвой. А так, бог отвёл, хоть и Дуняшу забрал.

Мы все одновременно перекрестились и принялись завывать, имитируя плач. Никто из нас и словом не обмолвился о том, что же действительно произошло в покоях молодой княжны. Мы даже взглянуть на неё боялись. Я только заметила, как сильно дрожали руки у Глаши, как испуганно косились на княгиничку Соня и Лужка.

А в это время княжна с равнодушным видом сидела на стуле и смотрела, как её молодой супруг допрашивал нас, сенных девушек. Словно это не она собственноручно буквально час назад заставила выпить отраву несчастную Дуняшу.

Княжич же её спокойствия не разделял. Он рвал и метал, сетуя то на нас, сенных девиц, то на теремных баб, что не доглядели, то на кухонных работников. Влетело и служивым людям, что стояли в карауле у покоев княжны, хотя те вообще никакого отношения к произошедшему иметь не могли.

– Уймись, княже, – наконец решила вмешаться княжна, осаждая яростный пыл мужа, с которым он продолжал распекать всех и вся, – Я жива, слава богу. А отравителя поди уж и след простыл. Где ж теперь его сыщешь? Ты лучше подумай, кому я так не к сердцу пришлась, что на подобное осмелился?

Княжич застыл в раздумьях, а потом, обернувшись к одному из своих ближников, произнёс:

– Подле неё теперь неотлучно будешь.

Ближник княжича, Ивор Погодин, хотел было что-то возразить, но увидев решительный взгляд молодого князя, передумал, а затем согласно кивнул.

Я же про себя отметила, с какой настороженностью молодой вой посмотрел на княжну. Да и я сама уже во сто крат переменяла мнение об этой странной девушке, что стала супругой самому пресветлому княжичу Данияру.

Сначала, когда нас с сестрой призвали прислуживать новоявленной молодой княгиничке, я сильно удивилась. Не по чину нам, бесприданым, обедневшим, хоть и довольно родовитым, но впавшим в немилость у князя, прислуживать самой княжне. Неужто не нашлось никого, кто захотел бы

быть поближе к князьему столу, да трону?

Но когда я впервые увидела невесту князя, то поняла, что это была не милость, а унижение тех, кто не пришёлся ко двору боярской знати. Что могло быть оскорбительнее, чем двум дочерям боярина Медведева, бывшего стольника самого князя, прислуживать крестьянке худородной? Сейчас отец в опале у князя, и каждый норовит ткнуть побольнее, если не его самого, так дочерей его. Вот и ткнули, приказав прислуживать безродной.

Хоть она и не была рабыней, но всё же... Княжич мог выбрать любую из множества боярских или богатых купеческих родов. А выбрал... крестьянку. Глаша утверждала, что это всего-навсего взбалмошная прихоть молодого князька. Якобы, вздумалось ему, а поперек слова никто не говорит, вот он и тешится. Забаву себе привёз. Но ничего, скоро наиграется, да успокоится. Остепенится, а там ему и другую жёнушку подберут, по чину, так сказать, не чета этой худородной. А то, что венчаны в церкви, так то не беда. Монастырей в княжестве с избытком, отвезут на постриг, да и запрут до конца дней. Ну а если в монастырь заупрямится, то отравят или подсобят, чтобы родами в горячке вместе с приплодом преставилась. Дело обыкновенное, бабье.

Мне было жаль несчастную. Молодая совсем девочка, моя ровесница, годков пятнадцати – шестнадцати, не более. Разве виновата она, что княжичу приглянулась? Эх, и года не пройдет, как сгинет. Нет, не приживется она в хоромаш этих

княжеских. Наиграется скоро княжич со своей забавою. Эх, жаль девку.

Ещё большую жалость вызывал внешний вид девушки. Худая, бледная, с ещё совсем детским личиком, она с каким-то отстранённым смирением безучастно смотрела на всё вокруг происходящее. Казалось бы, ей бы радоваться, ведь княжич из грязи её поднял, до себя допустил, княжной сделал. А она, словно и не рада вовсе. А во взгляде тоска и обречённость.

– Это ж надо, – тихо прошептала мне Глаша, оглядывая девушку, её бедный сарафан и стоптанные сапожки. А когда она посмотрела ей в лицо, то не удержалась и покачала головой, – Ты только глянь! Словно на казнь девку привели. Того гляди преставится.

Но когда в покои княжны зашла смотрительница... От одного воспоминания мороз по коже. Как княжна на неё зыркнула. В миг в лице переменялась, словно другой человек перед нами был. Смотрительница аж руки отдернула, да затряслась вся. До сих пор не по себе от взгляда этого. С того момента я поняла, что девушка эта не так проста, как на первый взгляд казалось. Что-то было неуловимо пугающее в этих холодных синих глазах, в этом выражении лица, в этом повелительном взгляде и голосе, от которого волосы на теле вставали дыбом.

А спустя несколько дней, мы с сестрой уверились, что сам Бог послал нас в услужение молодой княжне. Что ждало нас

дома? Бедность и угасание в монастыре, либо брак с второсортным купчиной, вот что. Кто из знатных бояр возьмёт в жены бесприданницу? Да, красота и молодость били при нас с Глашей, но ими сундуки с приданым не наполнишь, земли в угодыя не скроишь. Так-то.

Но теперь у нас был шанс. Маленький такой, почти ничтожный, но шанс. С такой-то княжной...

Мы с Глашей быстро смекнули, что выгодно нам, чтобы княгиничка эта подольше возле князя задержалась. Видели мы, как княжич наш смотрел на неё, надышаться не мог. Тут-то мы и поняли, не забаву он себе привез, а жену. Вот только проблема заключалась в том, то он-то ей вовсе не мил оказался. Не по сердцу он ей, так сказать. Но то не беда, как говорится, стерпится – слюбится. Подождем, увидим. А мы уж подсобим, чтобы у молодых всё сладилось. Княжна довольна будет, так и нас не обидит, сама говорила, что за хорошую службу наградит. А мы уж с Глашенькой расстараемся на славу, шанса своего не упустим.

Но на словах и в мыслях представлялось всё просто, а вот на деле, куда как сложнее оказалось. Разругались молодые ещё в первую свою брачную ночь знатно. Уж не знаю, что тому виной, но погром в опочивальне был тому подтверждением. Да и в последующие несколько дней княжич в спальню к своей молодой жене больше не закахивал. Но мы надежды не теряли, так как видели, что она для него – не мимолётное увлечение, не забава. Оставалось ждать, да молиться, что мы

в общем-то и делали. А ещё присматривались к своей новой госпоже, от которой теперь и наши жизни зависели.

За эти дни мы уже хорошо рассмотрели юную княжну и окончательно уверились, что первое впечатление обманчиво. Нет, чумазой крестьянкой она не была, хотя конечно таковой являлась и жила в деревне, но по сути своей в ней боярского или даже княжеского было больше, чем во всех нас вместе взятых. Уверенная речь, смелый умный взгляд, характер опять-таки. Правда говорит как-то странно, но правильно. Вот вроде бы всё тоже самое, но звучит чудно как-то, заумно что ли. Вопросы умные задаёт, ничего лишнего или глупого не скажет, каждое слово выверенное и обдуманное. Видно сразу, что знает много всего разного, но в то же время и не знает словно ничего. Простых вещей будто бы не ведает, зачем те или иные предметы, что можно, а что нельзя. Словно из дикого леса, порядков не знает. Удивляется всему так искренне...

Но было в ней что-то такое... неправильное.

За детским красивым личиком и хрупкой фигуркой скрывалось что-то странно-пугающее. Её холодный до судорог пробирающий взгляд этих пронзительно-синих глаз словно заглядывал в душу. Казалось, что она видела каждую из нас насквозь. Я даже рот раскрыла, как она осадилась и прогнала дочь боярина Лихачёва, указав на её безграмотность. Умная, расчётливая, холонокровная, она и бровью не повела, когда поняла, что её пытались отравить. Вместо того, чтобы

кричать и плакать от страха и смятения, она с удивительным спокойствием и безжалостностью приказала Дуняше выпить свою отраву.

Это было страшно.

А ещё мы начали подмечать странные мелочи. Княжна не читала молитв, не крестилась, на службу не ходила. И этот её пугающий сундук с травами и книгой...

– Вот вы мне не верите, – по обыкновению сплетничала Лужка, когда мы оставались вчетвером в своей девичьей светёлке, – А я вам говорю, что княгиничка наша – ведьма.

Глаша от таких слов только фыркнула:

– Говорят, она в своей деревне травницей была, и только. Так что не придумывай того, чего нет.

– А тебе-то откуда то ведомо? – с подозрением посмотрела Лукерья на Глашу.

– Рагдай сказывал, ну тот княжий ближник, что с ним неотлучно ходит, – засмушалась сестра, а затем продолжила, – Сказывал, что княгиничка наша сиротой в деревне жила, травы сушила, людей лечила.

– Никак, язычница? – предположила Сонька, а потом нахмурилась, – Не, быть не может. Хотя...

Я же решила пресечь дальнейшие сплетни:

– А даже если и так, то что это меняет? – с вызовом посмотрела я на обеих подруг, – Вы что, побежите сразу княгине докладывать?

Девушки осеклись и опустили глаза в пол, а я продолжила:

– Ты, Лукерья, видимо запомнила, что отец твой, как и наш, в немилости у князя уж поди как лет десять. Только чудом голову на плечах сохранил. И сидеть бы тебе сейчас подле него в нищете, да в прозябании. А ты нынче тут, княжне служишь, в богатом тереме живешь, да с княжьего стола ешь, – сердито выговорила я ей, а затем перевела свой яростный взгляд на Софью Ильину – дочь одного из богатейших купцов, – Ну а ты, Сонька, хоть и с полными сундуками приданого, но отец твой – всего лишь купчик и из рабов вышел. В своё время он на конюшне у князя служил, да волю выслужил и уж потом поднялся. Ты своим богатством себе новое имя не купишь, и род благородным не сделаешь. Кто такую в снохи возьмёт? А тут в кремле, да при княжне, всякое случится может.

– Сестра дела говорит, – согласилась со мной Глаша, – Послужим княжне, глядишь, и свои судьбы поменяем.

– Уж больно она на расправу быстра, – поёжилась Лукерья, – Страшно мне как-то.

– А я вот всё спросить хотела, – снова подала голос Софья, – Неужто вам дочерям боярским не претит худородной прислуживать? Я-то ладно, из простых вышла, хоть и с приданным, но вы-то обе Медведевы, а Лужка вообще Антипова, её отец когда-то первым стольником у князя служил.

– Надо будет, и ноги целовать ей стану, – уверенно произнесла Глаша, – Но в монастырскую келью на хлеб и воду не пойду.

– А я за тех женихов, что батюшка нам сватает, и подавно, – согласно кивнула я сестре, – Смотрите, девки, в оба. Выслужимся перед княжной, так сами себе женихов выберем. Там уж и родичи нам будут не указ.

На том и порешили.

Глава 6

Настя

Каждый новый день превратился для меня в день сурка. Одно и то же изо дня в день. Те же люди, те же разговоры. Примелькавшиеся лица девушек, бабок, нянек, тёток, даже лица караульных стражей и те осточертели мне до тошноты.

– Маша, Глаша! – крикнула я, и из соседней комнаты тут же с поклоном появились сёстры Медведевы, – Одеваться.

– На прогулку изволите, княгиничка? – робко поинтересовалась Глафира Медведева, – Я сейчас боярыню Троекурову предупрежу.

Боярыня Троекурова, она же Сирафима Андреевна, являлась одной из двух моих надсмотрщиц, что приставила ко мне княгиня ещё в первый день моего здесь пребывания. Вторая конвоирша была ей родной сестрой, Аполинария Андреевна Репина. Обе сестры в своё время рано вышли замуж, и как-то так получилось, что обе рано овдовели. И теперь охотно служили нынешней княгине Евдокии.

И как бы я ни пыталась избавиться от их навязчивой опеки, или правильнее сказать надсмотром, у меня этого никак не получалось. Ну не убивать же их, в самом деле.

– Не надо никого предупреждать, – остановила я Глашеньку.

Меньше всего мне хотелось видеть постную физиономию

этой ненавистой тётки. Но...

– Прогуляться собираетесь, государыня-княжна? – словно чёрт из табакерки выскочила из-за угла одна из моих надсмотрщиц, боярыня Троекурова. Это с её-то комплекцией, вот тетка даёт.

Я еле сдержала вздох разочарования, как же мне хотелось послать её куда подальше, но вовремя сдержалась.

– Да, вот хочу в город прогуляться.

Бесстрастная маска на лице Троекуровой треснула, и она в удивлении выпучила на меня глаза.

– Как это в город? Самой? Зачем?

– Прогуляться хочу, на город и людей посмотреть, – я про себя хмыкнула, увидев подлинные эмоции у этой непрошибаемой тётки.

– Невместно! – вдруг категорически заявила она мне, – Не положено молодой княжне, как девке простоволосой, на показ себя выставлять.

Она щелкнула пальцами, и двое караульных возле моих дверей скрестили свои бердыши. Стальные лезвия опасно звякнули.

Это что ещё такое? Я даже опешила. Повернувшись к своим девушкам, я заметила, как те испуганно и пристыжено опустили взгляд в пол.

– Немедленно пропустите, – ледяным тоном произнесла я караульным. Те переглянулись между собой, бросили на меня виноватый взгляд, но бердыши не опустили.

– У нас приказ, княгиничка, не гневайтесь, – тихо произнес один из них, кивая в след удаляющейся боярыне Троекуровой.

– Я княжна! – воскликнула я, – Как смеешь ты мне перечить?!

Раздражение во мне перерастало в ярость, и воздух вокруг меня ощутимо посвежел.

Караульный лишь пожал плечами:

– Троекурова княгине служит, на всё воля её. Так что не гневайся. Мне моя голова дорога, чтобы поперек её воли идти.

Вот значит как?! Получается, сама княгиня решила сделать из меня затворницу, приставив ко мне тюремщицу. Ну погодите, этого я не забуду.

– Княжича видеть желаю! – снова двинулась я к выходу из покоев, – Немедленно пропустите.

– Не велено! – тут же получила я ответ от всё тех же караульных, и лезвия бердышей снова скрестились, загоразивая мне путь.

– Тогда позовите пресветлого сюда, – стараясь сохранить самообладание и достоинство, уверенно произнесла я.

– Не велено, – снова услышала я в ответ.

– Как это не велено? Кем не велено? Почему? Да я вас..! Я всех..! Вы у меня...! – почти захлёбывалась яростью я.

Караульный только удрученно покачал головой.

– Не гневайтесь, княгиничка, – тихо проговорил он мне, –

Не по своей же мы воле, приказ у нас.

– Да и нет в кремле пресветлого, – тихо и как-то доверительно прошептал мне его напарник, – Сказывают, на охоту поехал в дальние уголья. А это почитай дня на три, не меньше.

Три дня?! Я от досады скрипнула зубами.

Мне, конечно, ничего не стоило убрать это препятствие в виде двух служивых у моих дверей. Но делать я этого не стала. Бросив последний сердитый взгляд на них, я обернулась к своим девушкам, что столпились в углу возле образов.

– Не огорчайтесь, княгиничка, – прошептала мне Маша, – Мы знаем, как вам из терема выйти.

– В церковь на службу попроситесь, – подмигнула мне её сестра, Глашенька.

Вот умницы девочки! И как я сама не догадалась?

В храм меня сопровождала боярыня Троекурова. Ну как же без неё? Поэтому схитрить мне не удалось и пришлось действительно направиться к храму, что находился на территории кремля, практически рядом с главным теремом и красным крыльцом.

Служба уже закончилась, и вышедшие из дверей церкви люди удивленно окинули меня заинтересованными взглядами.

– Здесь подождите, – безапелляционно проговорила я всей своей многочисленной свите из бабок, девушек и слу-

живых, – Одна пойду.

Я медленно ступила на деревянный пол церкви, оглядываясь по сторонам. Храм был пуст, так как службы уже все давно закончились, и поэтому я смогла без стеснения рассмотреть всё вокруг более детально, нежели в прошлый раз, когда нас с княжичем здесь венчали. По меркам двадцать первого века церковь была небольшой, деревянной и неказистой, ну во всяком случае на мой взгляд. Мне ещё ни разу не доводилось бывать в подобных деревянных храмах, при прошлой жизни я была в нескольких больших каменных соборах с богато украшенными алтарями, красивыми фресками и иконами в дорогих золоченых окладах. Тут же... Одним словом, всё было совсем не так. Темное помещение храма с небольшими оконцами и мутными витражами в них было тускло освещено свечами в простых медных подсвечниках. Тяжелый запах ладана и воска в буквальном смысле заставлял поморщиться, а глаза заслезиться.

Попривыкнув к полумраку храма, мои глаза принялись рассматривать суровые облики святых, что взирали на меня с икон и образов. Пройдя дальше, я остановилась возле большого креста с распятым на нем спасителем, потом посмотрела на скромный аналой, на котором лежала большая книга с толстенными желто-коричневыми страницами, а потом задержалась возле иконы Бога-матери.

Я внимательно рассматривала её облик, а она словно смотрела на меня в ответ. И было в этом взгляде что-то та-

кое..., что-то укоризненное. Мне даже в какой-то момент показалось, будто брови её неодобрительно сдвинулись, а во взгляде промелькнуло осуждение.

Тихие звуки шагов заставили меня непроизвольно вздрогнуть.

– Ну, здравствую, княгиничка Настасья..., как по батюшке тебя?

– Фёдоровна, – ответила я, припоминая, как звали отца Насти Прохоровой.

На пороге храма стоял священник в темной монашеской рясе. Он уже разоблачился от риз и прочих атрибутов, в которых священнослужители обычно проводят службы и обряды, и теперь был скромно одет в чёрное одеяние и с таким же черным покрывом на голове.

– Настасья Фёдоровна, значит, – улыбнулся мужчина среднего возраста, с окладистой тёмной бородой, в которой яркими прядями выделялась благородная седина. Во всяком случае, мне показалось, что ему не более сорока пяти лет. Хотя конечно, для этой эпохи, сей возраст был уже довольно почтенным, или даже пожилым. А уж все те, кому перевалило за пятый десяток, и подавно считались стариками. Смертность в эти времена была чудовищной.

– Простите, – замялась я, не зная как к нему обратиться, – Не знаю вашего имени и отчества.

– Архиерей Митрофан, – снисходительно улыбнулся мужчина, протягивая свою ладонь, видимо, для благословения, –

Или по-простому владыка.

– Приятно познакомится, – проговорила я, игнорируя жест священника, вызывая у того недоумённый взгляд.

– Помолиться пришла? – поинтересовался священник, видя моё замешательство, – Али по какому другому вопросу?

Проницательный взгляд мужчины вперился в моё лицо. А мне же стало не по себе. Вот зачем пришла? Не место мне здесь, ох совсем не место. А если он меня сейчас на исповедь поведёт? Хотя нет, не станет, исповедуют только по своему искреннему желанию. А я же такого желания не имела от слова «совсем».

После затянувшейся паузы владыка разочарованно вздохнул, а затем произнёс:

– Про исповедь даже заикаться не буду. Если не хочешь душу свою облегчить, то принуждать не стану. Но ежели не за молитвой в храм пришла, то может просьба какая есть?

– Да нет, – виновато потупилась я, – Я пришла на храм посмотреть, в прошлый раз рассмотреть не получилось.

– Так ты бы почаще заживала, – укоризненно посмотрел на меня мужчина, а затем вдруг смягчился, – Пойдём, снаружи побеседуем.

Выйдя на улицу, из моей груди непроизвольно вырвался вздох облегчения, а владыка заботливо предложил мне свой локоть. Мой конвой ожидал меня там же, где я его и оставила, лишь у девушек были взволнованные лица. Боярыня

же Троекурова, недовольно поджав губы, решительно двинулась нам на встречу, но властный жест владыки осадил пыл моей ненавистной надзирательницы.

– Оставь нас, – непреклонным тоном произнёс он ей, когда та хотела было что-то сказать, – Мы с Настасьей Фёдоровной прогуляемся, да побеседуем.

Архиерей довольно бодрым шагом провёл меня вокруг храма, где с задней его части располагался небольшой сад с пышными деревьями и кустарниками. Опустившись на простую деревянную скамью, мы просто сидели и молчали.

Я смотрела на чистое голубое небо, наслаждалась теплым летним ветерком и слушала щебет птиц в кронах деревьев, а священник просто сидел и думал о чём-то о своём.

– Я раньше видел таких, как ты, – неожиданно прервал владыка затянувшееся молчание.

– Таких, как я? – удивленно подняла я на него свой взгляд и встретила с серьёзными светло-кариими глазами, в которых горел ум, проницательность и... снисхождение.

– Да, язычников, – пояснил он, и я еле удержала вздох облегчения.

Мы помолчали снова. А что я могла сказать? Ведь он прав, правда только отчасти.

– Скажи мне правду, княгиничка, будет ли от тебя беда? – взгляд священника изменился и стал цепким и внимательным. Он настороженно вглядывался в моё лицо, словно заглядывал в самую душу.

– Нет, не будет, – тихо произнесла я.

– Не спеши с ответом, подумай хорошенько, ведь от этого ответа зависит многое. Твоя жизнь, моя, жизнь молодого княжича, а возможно и всего княжества. Вера православная ещё не слишком крепка в душах людских. Соблазнов много вокруг. Люди ещё помнят языческих богов, а кое-где ещё теплятся их капища.

Владыка прервался ненадолго, дав мне время осмыслить им сказанное.

– Ты с молодым князем повенчана перед богом и людьми. Но ежели Господь наш всемилостивый сразу не изгнал тебя из храма своего, то и мне, простому смертному, то неуместно. Значит надо так, а мне смириться надобно, на всё воля Божья, а она мне не ведома.

От каждого, произнесенного им слова по моей спине пробежался холодок. Разговор принял настолько неприятный для меня оборот, что я просто не находила слов, чтобы что-то ответить или возразить. А если сказать было нечего, то оставалось многозначительно молчать.

– Ты, видимо, не поняла ещё всей серьёзности своего положения, – тяжело вздохнув, произнёс владыка, – Ты – жена будущего правителя. От тебя теперь зависит многое, в том числе и его жизнь. А ежели ты супротив веры пойдешь, да ещё и княжий род настраивать станешь, то в государстве раскол произойти может. Государство и люди в нём сильны любовью к земле своей, родине, да верой единой. А раскол веры

может обернуться расколом в государстве, в умах и душах людей. А это сродни морю. Так-то.

– Я княжича ни на что не настраиваю, – тихо прошептала я, ошарашенная серьезностью разговора.

– Однако, и не отрицаешь сути своей языческой, – показала он головой, – А ежели завтра молодой князь, на тебя гляючи, супротив веры пойдет? А за ним и другие?

– Что вы от меня хотите? – не выдержала я его давления, – Скажите прямо.

– Хочу, чтобы пообещала ты, что настраивать супротив веры истинной православной никого не станешь, храмы, молельни и капища возводить не будешь, язычество в души людские не вернёшь.

Он смотрел на меня долго и внимательно, жадно вглядываясь в малейшие изменения выражения моего лица, стараясь уловить признаки лжи или неискренности.

– Я... не собиралась, – тихо произнесла я, а потом уже более уверенно добавила, – Обещаю, что никого настраивать не стану, а уж обращать в язычество и подавно. Но только и вы тогда уж мне пообещайте, что гонений в мой адрес не будет.

– Вот и хорошо, вот и договорились, – облегченно вздохнул владыка и положил свою теплую ладонь поверх моей ледяной руки, тут же меняя тему разговора, – А теперь расскажи мне, ты, сказывают, травы знаешь? А грамоте обучена?

Дальше разговор перетёк на мирские темы, хоть я и чув-

ствовала, что мужчина деликатно и всесторонне меня прощупывает. Где росла, чем жила, что делала после смерти родичей и тому подобное. Он и сам охотно рассказывал о себе и своих, как выяснилось, обширных познаниях и биографии, но постоянно и ненавязчиво возвращался ко мне, как бы аккуратно интересуясь моим мнением и взглядами на те или иные вещи или вопросы. И если бы мне было шестнадцать, то я бы уже давно посыпалась, но учитывая мой возраст в прошлой жизни, то мне уже стукнуло тридцать шесть, поэтому я была стреляным воробьём, которого на мякине не проведёшь.

– Интересно рассуждаешь, – подытожил владыка наш разговор, – Чудно немного, но интересно. Я даже боюсь спрашивать, откуда у шестнадцатилетней девы такое миропознание и жизненная мудрость.

Сочтя вопрос риторическим, я молча пожала плечами.

– Ну, княгиничка, благодарю за общение, – поднялся он со скамьи, – Будет время, захаживай. Всегда рад буду. И если вдруг тебе помощь моя понадобится, то знай, что мои двери открыты.

В терем возвращалась выжитая, словно лимон.

Глава 7

Утром третьего дня моего заточения в покоях, наконец, появился сам пресветлый. И не успел он и слова вымолвить, как я налетела на него разъяренной фурией.

– Вот скажи мне, пресветлый княжич, кто я тебе? Жена или пленница?

Данияр удивленно приподнял брови, оглядывая меня и притихших в углу светелки моих девушек.

– Уже третий день по воле княгини меня держат в тереме, словно в заточении, – злобно выпалила я, а потом недоуменно уставилась на него, – Или может это ты приказал запереть меня, приставив ко мне тюремщиц?

Данияр лишь равнодушно пожал плечами.

– Это для твоей же пользы. После попытки отравления...

Но договорить я ему не позволила.

– Для моей же пользы? – с новой силой взъярилась я, – Ты запер меня в покоях, словно вещь бездушную в сундук! Я кто тебе? Жена или так, безделушка неодошевлённая?

Глаза супруга полыхнули ответной яростью:

– Действительно, кто? – суровым голосом спросил он, – Ежели жена, то и веди себя по чину. А не хочешь быть ею, так и удивляться нечего.

От его слов я аж чуть не задохнулась от возмущения. А он словно специально выводил меня своей нарочито самодо-

вольной ухмылкой.

– Ладно, хватит, – примирительно махнул он рукой и серьёзным тоном спросил, – Чего ты хочешь? Разве тебе здесь плохо?

Кое-как совладав с кипящим во мне гневом, я процедила сквозь зубы:

– Не позволит ли мне мой драгоценнейший супруг выезжать в город и его окрестности? – с издёвкой поинтересовалась я, – Или я у господина теперь в вечном заточении?

От сочившегося яда в моих словах пресветлый аж поморщился.

– Ты не пленница, но пока и не жена, – угрюмо посмотрел он на меня и направился к выходу, а затем обернулся и многозначительно добавил, – А жене я готов позволить многое.

Слова пресветлого заставили задуматься о многом. Это что же получается, он почти в открытую настаивал на своих правах. Но вот только оставался вопрос, готова ли я потакать его прихотям ради своих интересов...

Об этом я размышляла добрую половину дня, а после полудня случилось чудо. В покоях появился Ивор и с мученически-обречённым видом произнес, что ежели княжна желает куда поехать, то он по воле княжича готов её с радостью сопровождать.

«Радость» его так и сочилась из всех щелей. Парень прям весь «нарадоваться не мог» перспективе таскаться за мной

весь день, что в общем-то и демонстрировал, не скрывая и обречённых вздохов, и унылых взглядов, и раздраженного бормотания. А что делать? Мне вот может тоже не особо приятна его компания? В памяти ещё сохранились обрывки воспоминаний о дикой охоте княжьих ближников. Но выбора у меня не было, поэтому пришлось мириться со столь неприятным сопровождением.

На «выгул» супруги наследника княжьего рода собралась многочисленная свита из бабок, няnek, сенных девиц и целой дюжины служивых людей, которые вооружившись здоровенными бердышами и луками, составляли приличный такой охранный эскорт. Увидев всю эту разномастную толпу, я неосознанно скривилась. Не хватало только цыган с бубном и танцующего медведя. Ну вот куда я с ними попрусь?

Сделав жест «рака – лицо» и обреченно выдохнув, успокаивая поднявшееся внутри раздражение, я решительным жестом ткнула в группу недовольных бабок и няnek:

– Вы все останетесь в тереме, мне такой балаган на выезде не нужен. Достаточно конвоя и парочки девиц.

На мои слова тут же выступила боярыня Троекурова и, подбоченившись, заявила:

– Невместно!

Эта бабища мне уже порядком надоела.

– Ах, неместно, – зло сверкнула я глазами, – Тогда вы сами составите мне компанию. Кто может быть надежнее вас? А остальных всех отпустим восвояси.

Женщина гордо выпятила не малых размеров грудь и высокомерно задрала нос. Расчёт сработал как надо. Я же только мысленно потёрла ладошки, тщеславие и гордыня тюремщицы сыграли мне только на руку. Ну погоди, боярыня, я тебе устрою прогулки.

В конечном итоге моё сопровождение сократилось вдвое, и составляли его служивые, Троекурова, будь трижды она неладна, и пара сенных девиц.

Сначала мы медленной процессией обошли кремль и прилегающие к нему территории. Затем заглянули на княжеские конюшни, амбары, сенники, и прочие дома и строения, располагающиеся в центре города, в самом его сердце. Проживали здесь люди обеспеченные, приближенные к князьему роду и обласканные его милостями. Завидев нашу процессию, они заинтересованно разглядывали меня, не забывая кланяться, но делали это без видимого удовольствия и уважения. Несколько раз мне даже удалось заметить брезгливые взгляды и пренебрежительные кивки.

Стараясь не замечать неприязненного отношения, я начала расспрашивать своих вынужденных попутчиков обо всём подряд. Мне было интересно всё, поэтому вопросы сыпались, словно из рога изобилия. Когда и кем был возведён кремль, кто закладывал и строил. Что было на этом месте ранее. Эти же вопросы коснулись и главного храма города. Также меня интересовали люди, проживающие рядом, а значит составляющие самый привилегированный слой местного

общества. Кто, откуда, чей родич, в каком родстве с князем родом, кем были его родичи, чем живут и промышляют.

Через добрых пару часов моя свита наконец выдохлась. Троекурова уже не выглядела столь неприступной и высокомерной. Спесь быстро слетела, как только грузная женщина поняла, что прогулка не ограничится посещением храма или прилегающего к нему небольшого садика.

Подойдя к крепостной стене и показавшимся в её углублении воротам, которые вели из детинца (центра города) к княжьему посаду, я заинтересованно посмотрела на раскинувшиеся передо мной богатые дома и дворы, всеми силами демонстрируя жизнерадостность, бодрость и энтузиазм. Троекурова за моей спиной от усталости чуть слышно застонала. А я же и ухом не повела, нарочито явно показывая заинтересованность к продолжению прогулки.

Передо мной раскинулся район местных богачей, терема и дворы бояр, воинской знати, со всеми их подворьями, челядью, рабами и крестьянами. Конечно, это были не царские хоромы, а точнее не княжеские, но посмотреть всё равно было на что. Мастера деревянного зодчества постарались на славу. Что не двор, то шедевр мастеров резьбы по дереву. Что не ворота, то произведение искусства местных умельцев, створки сплошь резные, да филигранные, да с замысловатыми узорами.

– Княгиничка, смилуйтесь, – тихо зашептала мне Маша, – Не привычные мы к таким прогулкам. Да и боярыня того

гляди упадёт от усталости.

Солнце уже вошло в зенит, а поскольку был разгар лета, то жарило оно нещадно. А учитывая многослойные наряды придворных дам и толстые рубахи и плотные кафтаны служивых и ближников князька, то прогулка быстро превратилась из лёгкой и увеселительной в утомительную, наполненную духотой и зноем полуденного солнца.

Взглянув на притомившуюся свиту, я мысленно оценила степень прожарки некоторых личностей. Основная масса уже почти достигла состояния *medium well*, что я сочла вполне достаточным для первого раза. Будут знать, как тащиться за мной всем табором. Затем перевела взгляд на унылого Ивора. Княжий ближник не казался сильно измождённым, лишь весьма недовольным, и только. Н-да, этого ничем не преймёшь. Ладно, посмотрим, на сколько его хватит.

Следующий день был похож на вчерашний. Правда бабки и няньки сразу отказались от чести сопровождать княжну на прогулке, да и конвой вдвое убавился. Машу и Глашу сменили Лукерья и Софья. А вот боярыня Троекурова меня удивила своей решительностью продолжать строить из себя сотрудницу гестапо. Да и Ивор всё также портил настроение своим унылым присутствием. Ладно, разберемся и с этими двумя.

Сегодня мы осматривали княжий пасад. Мои спутники, уже примерно понимая, чего от меня ожидать, старались теперь не вступать со мной в длинные дискуссии, ограничи-

ваясь краткими пояснениями, а то и вовсе односложными ответами. А к концу второго часа блужданий мимо богатых дворов один из служивых и вовсе смущенно произнёс:

– Государыня-княжна, ежели завтра пожелаете податься к ремесленникам и купцам, то надо бы лошадей взять. Тяжко пешком по такой-то жаре...

Он осёкся и виновато посмотрел на княжьего ближника, сообразив, что с подобными мыслями полез не к той, перепрыгивая через голову. Ивор лишь недовольно поджал свои губы, но промолчал. А вот Троекурова, наконец, выдала:

– Это уж без меня, – устало выдохнула боярыня, обмахиваясь кружевным платочком.

Мысленно улыбнувшись небольшой победе над ненавистной надзирательницей, я обратилась к угрюмому Ивору:

– Пожалуй, так и поступим. Завтра отправимся на лошадях.

Третий день я провела более плодотворно. Сопровождали меня всего две девушки, пара служивых и княжий ближник. Сочтя, что выжала из ситуации максимум, и что меньше моей свите уже никак не стать, я отпустила ситуацию и постаралась с ней свыкнуться.

Что ж, купеческий посад, а находились мы сегодня именно в том районе города, а точнее в третьем его кольце, где жили торговцы и ремесленники, произвёл на меня неизгладимое впечатление. Плотные улочки деревянных домов пестрели прилавками и лотками. Ремесленники, торговцы и даже

пешие лавочники громко зазывали народ обратить внимание на свои товары либо услуги. С одной стороны слышался звон металла – это в огромной кузне слева кузнецы умело ковали новую партию подков. С другой стороны группа сапожников хвастала своими новыми изделиями, среди которых я заметила и искусно выделанные дорогие сапожки, и простенькие незамысловатые сандалии. Помимо этого, я успела рассмотреть кожевенную мастерскую, мастерские стрельника и оружейника, гончарную и прочие ремесленные мастерские, которых оказалось в изобилие. Дальше по улице располагались торговые ряды с различными тканями, изделиями из меха и кожи, лотки с овощами и фруктами, лавки мясников, ряды с разнообразной рыбой, запах которой просто сшибал с ног по такой-то жаре. Кроме этого я ещё заметила пару ювелирных лавок, радующих глаз разнообразием различных украшений из малахита, яшмы, янтаря, нефрита, аметиста, граната и прочих самоцветов. Не знаю, насколько продвинулось ювелирное дело в этом времени, но пока я лишь смогла разглядеть неумело обработанные камни в громоздких массивных оправках, либо в виде примитивных бус. Поскольку падкой на золото и украшения я никогда не была, то быстро потеряла интерес, переключив своё внимание на лотки со сладкой сдобой и румяными пирогами, возле которых происходила какая-то странная суэта.

– Держи вора! Держи его, держи! – во всё горло кричала здоровенная тётка с румяным лицом, что те пироги, лежа-

щие в её лотке.

Стоявший неподалёку рослый детина лед двадцати крепко держал за шкуру худого и грязного мальчишку, облачённого в какие-то засаленные рваные обноски. Сам пацан в это время жадно запихивал себе в рот украденный пирог, боясь вовсе не побоев, а остаться без куска еды.

– Ты глянь-ка, замесок! – взглянув на несчастного мальчишку, пробасил рослый парень и как следует встряхнул пацанёнка, отчего тот чуть не подавился, – Ты как сюда попал, высерок?

Как мне было уже известно, замесками называли сирот и беспризорников, а также малолетних нищих и попрошайек. Не редко их могли назвать и выскребышами, а ругательно и высерками.

– Служивых кликнуть надобно, – вклинилась соседка женщины, в лотке которой красовался золотистый мёд в небольших глиняных горшочках.

– Не, сами разберёмся, – отмахнулся парень, продолжавший удерживать воришку за шиворот, – Сейчас наваяем так, что раз и навсегда позабудет совать свои грязные ручонки, куда не велено.

– Отпустите, – пискнул пацан, – Я не буду боле. Мамка преставилась, батю медведь на охоте подрал, жрать нечего. По-жа-ле-й-те! – и тут из детских глаз хлынул поток слёз.

Но видимо, кроме меня никого из присутствующих не проняло.

– Да выкинь ты его за окраину, – брезгливо сморщилась продавщица пирогов.

– Туда ему и дорога, – поддакнула её соседка, – А то вонь от него такая, всех покупателей распугал.

Окраиной считали ту часть города, где жили бедняки, мелкие ремесленники, крестьяне и простые вои. Это был самый низший и самый многочисленный слой населения города. Здесь бесчинствовали нищета и голод, болезни и смерть.

– Не, сначала проучим, – вновь пробасил здоровяк, заматываясь огромной ручищей.

– А ну не сметь! – услышала я свой собственный холодный голос.

Толпа расступилась и все уставились на меня и моих немногочисленных спутников. Бабы вытаращились на нас во все глаза, бугай чуть не выпустил из рук пацана, который от удивления разинул рот так, что из него едва не выпал последний непрожеванный кусок пирога.

– А ты кто такая, чтобы мне приказывать? – норовисто пробасил бугай, но рассмотрев мою свиту, осёкся.

– Да это ж княжна! – послышался шепоток в толпе зевак, – Да, да, она самая!

– Говорят, она из простых, – послышалось уже с другого конца рынка.

– Отпусти мальчишку, – ледяным тоном произнесла я.

Кулак здоровяка разжался, и на деревянный настил плюхнулось тощее тельце мальчишки, поднимая вокруг облако

земляной пыли.

– Подойди сюда, – поманила я рукой мальчика, присаживаясь на корточки.

Пацан, которому навскидку было лет девять, не больше, боязливо покосился на мой конвой, но всё же подошел, а потом вдруг плюхнулся на колени и уткнулся лбом прямо в грязь возле моих ног.

– Помилуй, княгиничка, не казни, Христом-богом прошу! – запричитал он, вновь разрыдавшись.

– Эээ, – выдала я растерянно, но быстро овладев собой, добавила, – Встань и успокойся, никто тебя наказывать не собирается.

– Это как это? – взъерилась потерпевшая товарка, у которой украли злосчастный пирожок, – А за пирог платить кто будет? Ежели вор покражу не оплатит, то того клеймить надобно. Что с этого бродяжки взять, ни полушки за душой. Караул кликнем, пусть сразу клеймят поганца.

– Никто никого клеймить не будет, – осекла я взбеленившуюся женщину, удивляясь её черствости и безжалостности по отношению к несчастному беспризорнику.

– Ивор, – повелительно обернулась я к ближнику князька, – Уплати ей.

Мужчина скривился, но возражать не стал. Он молча вытащил из тяжелого кошелька монетку и бросил на прилавок пострадавшей. Сжавшийся у моих ног мальчишка, вдруг вскочил и со словами «благодарствую, княгиничка» припустил

что было мочи к воротам, что вели к окраине города.

А я же про себя подумала, что у меня даже собственных денег нет. Ну что я за княжна такая, которой приходится унижаться и выпрашивать деньги у своего окружения.

Происшествие на рынке настроение мне прилично подпортило, но в то же время и изрядно так встряхнуло. И возвращаясь в кремль, я уже была полна решимости кое-что изменить.

Не найдя своего супруга в его покоях, я направилась на его поиски по всему кремлю. Пресветлый нашёлся в оружейной, что-то активно обсуждая с Мстиславом и Рагдаем. В руках одного был лук, а второй держал острое копье, хвастаясь искусно вырезанным узором на древке.

– Настя? – удивленно уставился на меня муженёк, откровенно недоумевая от моего здесь нахождения.

– Можно тебя на пару слов? – не утруждая себя приветствиями и расшаркиваниями, сразу озвучила я.

Данияр изумленно поднял брови, а затем вопросительно взглянул на Ивора, который в свою очередь раздражённо закатил глаза и недовольно покосился на меня.

– Говори, – произнёс пресветлый, усаживаясь на высокий резной стул.

– Наедине, – безапелляционно отрезала я.

– Ладно, – пожал плечами княжич, – Оставьте нас.

Проследив взглядом, как за последним ближником моего дражайшего муженька затворилась дверь, я решительно

взглянула на супруга.

– Мне необходимы деньги, – выпалила я, а потом добавила, – Не дело супруге княжича одалживаться и побираться.

– Деньги? – вопросительно поднял он бровь.

– Ну да, деньги. Монеты, золото, серебро или медь. Что в ходу и обороте.

– Странно ты говоришь, Настя, – нахмурился парень, – Но я тебя понял.

– Так ты прикажешь, чтобы мне выделили немного денег? – нетерпеливо переспросила я.

Данияр снял со своего пояса увесистый кошель и взвесил его на своей руке.

– Пожалуй, – кивнул он, – Но при условии, если ты объяснишь, зачем.

Я раздраженно хмыкнула.

– Уж явно не собираюсь тратить твоё золото на мужчин и вино, – пошутила я, заметив, как потемнело лицо пресветлого. Муженёк явно не оценил шутки.

А я, быстро подхватив с его ладони тяжеленный кошель, внимательно стала рассматривать его содержимое. Высыпав на стол множество серебристых кругляшей, мои пальцы сноровисто принялись их пересчитывать под изумленным взглядом супруга.

Пока я подсчитывала свои финансы, я кратко поведала мужу о происшествии на рынке, о долге перед Ивором, и о своём стыде, что у супруги великого наследника княжеского

рода нет и полушки за душой.

Данияр моего негодования откровенно не понимал, но и деньги обратно не забрал, лишь равнодушно заметил:

– Невместно княжне, словно селянке безродной, по рынкам шататься. Но ежели тебе так хочется, то я не возражаю.

От услышанного я с досады закусил губу и резко направилась к выходу.

– Если ты забыл, то я напомню, – проговорила я ему у самой двери, – Я от рождения селянка безродная, как и все те люди. И если тебя в этом что-то не устраивает, то не стоило жениться на такой.

Обернувшись, я добавила:

– Ещё не поздно, княжич, исправить эту ошибку. Просто отпусти меня.

– Настя, я..., – он рванулся ко мне с виноватым видом, но я уже выскочила в коридор, хорошенько хлопнув тяжелой дверью.

Глава 8

Следующим утром моя небольшая процессия въезжала на территорию окраины. Того самого района, где проживали бедняки, мелкие ремесленники, крестьяне и простые вои.

Я уже немного видела эти улицы, когда в первый раз въезжала в город. Правда, в тот день мне было не до осмотра его достопримечательностей и жителей, меня в тот момент одолевали совсем иные мысли и проблемы. А сейчас же, я словно впервые увидела эти жалкие убогие домишки, что плотно жались друг к дружке, бедную одежду прохожих, множество нищих на улицах. А ещё грязь, вонь и убожество.

Даже в моей бедной деревне люди жили куда лучше, чем здесь. Во всяком случае, на первый взгляд мне так показалось. И потом, я не смогла припомнить, чтобы видела в селе хоть одного попрошайки, хоть одного беспризорника. Люди в деревнях заняты работой на земле и своим хозяйством, поэтому были худо-бедно, но сыты. Да, возможно рацион был весьма скуден, но свой. И к тому же, все в селе были друг другу так или иначе родственниками, кто близкими, кто дальними, пришлых практически не было, разве что из других сёл. Поэтому люди в деревнях были сплочённые, отзывчивые на беду. А уж осиротевших детей никто никогда на произвол судьбы не бросал, не шатались они в лохмотьях по улицам, милостыню не просили, воровством не баловались. Все бы-

ли при деле сызмальства.

Тут же... Н-да.

– И что за интерес вам, княгиничка, по окраине гулять, – скривился один из служивых, оттесняя от меня подальше какого-то подвыпившего бродягу, на вид вполне безобидного. Хотя возможно, он был вовсе не бродягой, но выглядел не лучше.

– Видать наскучило в тереме, – подмигнул своему коллеге второй служивый, думая, что я не слышу. Оба сразу понятиливо заухмылялись.

– И впрямь наскучило, – ответила я всем сразу, замечая как оба телохранителя сразу осеклись и покраснели, – Я ведь из простых, вот из таких вот, как все эти люди.

После моих слов служивым совсем стало не по себе, они оба потупились, стараясь больше не встречаться со мной взглядами.

– Ага, из простых, как же. Хотел бы я посмотреть на таких простых, хотя лучше не надо, – боязливо прошептал один другому, – Как посмотрит, так мороз по коже. А уж как скажет...

– Тише ты, вдруг услышит, – шикнул на него сослуживец.

Но перешептывания этих двоих мне уже были мало интересны. Моё внимание привлекла небольшая базарная площадь, на которой сегодня толпился народ, хоть время было уже за полдень, и соответственно вся основная торговля уже прошла.

– А что это там за сборище? – поинтересовалась я у своих провожатых.

Ивор по привычке мой вопрос проигнорировал, делая вид, что в очередной раз не услышал. Я в очередной раз стерпела, как и вчера, и позавчера, и третьего дня, но себе пометочку сделала, что этого ему не забуду.

– Эй, куда прёшь? – раздалось совсем рядом, и один из служивых казаков ухватил за шиворот что-то небольшое и грязное.

– Дядь гридь, пусти, я только поздоровкаться хотел, – пропищал знакомый мальчишеский голос и, виновато обращаясь уже ко мне, добавил, – Бывай здоровёхонька, княгиничка-красавица.

Я с удивлением рассматривала уже знакомого грязного мальчишку, который как и вчера снова пребывал в подвешенном состоянии за шиворот.

– Пусти его, – улыбнулась я служивому, у которого почему-то от моей улыбки свело лицо.

Как только пацанёнок оказался на свободе, он тут же неуклюже поклонился мне в ноги.

– И тебе не хворать. Как хоть звать-то тебя? – ласково обратилась я к мальчишке.

– Василием крестили, – заулыбался пацанёнок щербатым ртом.

– Вася-Василёк, значит. А не хочешь ли ты, Василёк, чутка заработать? – лукаво прищурилась я и вытащила из кар-

мана своего сарафана звонкую монетку.

Глаза мальчика удивленно расширились.

– Чего надобно делать, княгиничка? – с готовностью закивал он, протягивая свои грязные ладошки, а затем, увидев мой нахмуренный взгляд, торопливо обтер их об свои не менее чистые штанины.

– А ничего особенного, – отмахнулась я, – Со мной по городу походи, да рассказывай и показывай, что мне интересно будет. А-то видишь ли, попутчики мои притомились на летнем солнышке, из них слова лишнего не вытянешь, а ты местный колорит лучше нас знаешь. Мне же всё интересно здесь. Хочу город получше узнать.

Мои девушки вытаращились на меня в священном ужасе, но протеста не высказали. Ивор скривился, словно лимон проглотил, но снова смолчал. А четверо служилых, или как тут их было правильно называть гридями, больше старались со мной в разговоры не вступать и вообще взглядами со мной не пересекаться.

Я подбросила мальчишке медяк, он лихо поймал его в воздухе и тут же просиял:

– Куда изволишь, княгиничка?

Я заинтересованно заозиралась вокруг.

– А вон там что такое? – указала я рукой на шумевшую толпу на грязной базарной площади.

Пацанёнок понятливо заулыбался:

– А, это бои кулачные, – отмахнулся мальчишка, – Дво-

ровые друг другу морду бьют. Посмотреть изволите?

Я кивнула и быстрым шагом направилась к толпе. А посмотреть было на что, два здоровенных мужика лупасили друг другу лица не менее здоровенными кулачищами. И как только зубы целы?

И только я об этом подумала, как один из дерущихся упал навзничь, выплюнув изо рта кровавый сгусток вместе с парочкой зубов.

– Ой, – содрогнулась я, почти физически ощущая зубную боль, которую должен был испытывать этот парень.

Я думала, что он уже не встанет, от такого-то удара. Но, однако, парень поднялся, снова сплюнул и к моему удивлению заулыбался нам своим кровавым ртом.

– Эх, опять проиграл, – вздохнул кто-то в толпе, – Ну что ж ты, Гриня. А ведь я на тебя поставил.

Видимо Гриней звали этого здоровенного лба, что сейчас так жутко нам улыбался.

Толпа постепенно расходилась, правда некоторые задержались, заинтересованно разглядывая меня и мой конвой.

– Здорово, Васька, ты чего это тут? И кто это с тобой? – прошамкал парень моему сопровождающему и снова улыбнулся, но на этот раз поморщился. Видимо боль всё же он ощущал.

– А это наша пресветлая княжна, – представил меня мальчишка, а затем виновато посмотрел на меня, – Прости княгиничка-красавица, имени твоего не знаю.

– Анастасией крестили, а отца Фёдором звали, – ответила я и улыбнулась, вспоминая, как сам мне представился пацанёнок.

Дальше Василий представлял меня своим многочисленным знакомым не иначе как «княжна Настасья» или «княгиничка Настасьюшка». Забавно было наблюдать, как мальчишку просто раздувало от гордости, что именно его я выбрала себе в провожатые. Пацанёнок с напускной важностью рассказывал, где чьи дома, кто в них проживает, и чем живут те люди. Так я узнала, что здоровенный парень Гриня был сыном местного кузнеца, что всю неделю он помогал отцу в кузне, а по выходным промышлял на кулачных боях и прочих мужских забавах. А его спарринг-партнёр по кулачным боям, Антип, был его другом, а также сыном кожевенного мастерового, чья мастерская находилась по соседству от их кузни.

Мальчишка водил меня по грязным улочкам, показывая различные мастерские и дома, рассказывая о жизни тех или иных людей, об их бедах. И самое странное, говорил он об этом как-то отстранённо без печали и тоски. А когда мы остановились возле небольшого приземистого домика, он как-то совсем безэмоционально произнёс:

– А тут я живу, – сказал он тихо и умолк.

– Один? – вопросительно взглянула я на мальчишку, – Ты, кажется, говорил, что остался без родителей.

– Ага, – кивнул он и также тихо добавил, – С бабкой живу.

Старая она, да и совсем глухая стала.

– А знаешь, – решая хоть как-то утешить пацанёнка, произнесла я, – А я ведь тоже без родителей осталась, как и ты, сиротой росла. Правда у тебя хоть бабушка есть, а вот у меня никого нет на этом свете.

– Но ты же теперь княжна, – недоуменно посмотрел на меня мальчишка, – У тебя теперь княжич есть.

Я грустно улыбнулась и потрепала мальчика по голове. Мал он ещё, чтобы понять, что замужество не всегда избавляет от одиночества, и не всегда приносит счастье.

– Дом наш мал и беден, – как-то смущенно пролепетал пацанёнок, – Ты уж, княгиничка, не прогневайся, что в гости не приглашаю. Угостить мне тебя нечем.

– Водой нас напоишь, и на том спасибо, – улыбнулась я совсем поникшему мальчишке, и увидела, как он облегчённо закивал.

Пока Василёк бегал за водой для меня и моей свиты, на улице собралась топа зевак. Людям было любопытно посмотреть на молодую княжну и её приближённых, ведь молва о том, что пресветлый княжич выбрал себе в жёны девушку не знатного происхождения, а простую безродную селянку, видимо уже достигла окраин города, а может и всего княжества.

– Изволь, княгиничка, – протянул мне Василий простой деревянный черпак, полный колодезной прохладной водички. А потом с робкой улыбкой наблюдал, как я жадно при-

пала к живительной влаге и с каким удовольствием пила, а затем демонстративно вытерла на деревенский манер остатки воды со своих губ расшитым рукавом своей рубахи.

Передав черпак с водой своим девушкам я с прищуром посмотрела на них. И к моему удовлетворению, те даже и глаз не подняли, а покорно приняли ковш и смиренно отпили из него.

Когда очередь достигла Ивора и гридей, я заметила, как мужчины брезгливо сморщились.

– Брезгуете, значит? – недоуменно подняла я бровь и, прибавив в голосе льда, сказала, – Я, пресветлая княжна, и то не побрезговала, а вы? Или простая колодезная вода для вас недостаточно чиста и прохладна? Или сосуд, в котором её подали, недостаточно изыскан для вас, княжьих ближников?

После моей яростной тирады повисла тишина. Простые люди с изумлением смотрели, как грозных статных княжьих воев отчитывает маленькая, совсем ещё юная княжна.

Гриди, поняв свою ошибку, принялись тут же исправлять ситуацию, осушив ковш полностью. А вот Ивор так и стоял, молча скривившись, чем вызвал немой протест у толпы. Простых людей явно задело столь нарочито демонстрируемое презрение молодого боярина. Ну да ладно, дайте срок, и с этой собаки собьём спесь.

А тем временем из соседнего дома слышались душе-раздирающие крики. На мой немой вопрос, Василёк лишь небрежно отмахнулся.

– А это наш дядька Амос, отец Гриньки, зубы дерёт, – пояснил мальчишка.

Как уже говорилось ранее, отец выше упомянутого Григория был кузнецом, а Кузнецы этого времени слыли не только мастерами своего ремесла, но к ним также обращались и за некоторыми стоматологическими услугами, в том числе и удалением зубов.

Так и есть, в небольшой кузне, куда я не преминула заглянуть, подталкиваемая своим любопытством, скопилась небольшая толпа. Трое здоровенных мужиков удерживали на лавке высокого крепкого парня, который истошно орал, и в котором я узнала недавнего спарринг-партнёра Грини.

– А я тебя предупреждал, Антипка, что гнилой зуб надобно было сразу драть, а ты меня не слушал, – раздражённо пробубнил кузнец, нагревая над жаровней небольшие клещи, – А теперячи Гринька его повредил, ишь как щеку раздуло. Теперячи драть больнее будет, как бы горячкой дело не кончилось.

Покачав головой, я решительно подошла к скулящему верзиле. Толпа тут же расступилась и притихла.

– Открой рот, – деловито скомандовала я, заглядывая ошеломлённому сыну кожемятника в глаза. Тот и не думал сопротивляться, его нижняя челюсть послушно упала вниз, открывая мне обзор на неровный ряд зубов, в разной степени пораженных кариесом.

– Н-да, – прокомментировала я увиденное, а затем, уже

обращаясь к кузнецу, скомандовала, – Рукомойник сюда и мыльную воду, а ещё кипяток и ...

Я задумалась, и найдя взглядом любопытного Василия обратилась уже к нему:

– Василий, сбегай-ка, нарви листьев березовых, а ещё пощи мяту или мелису, валерьяны немного, ромашки и подорожника. Знаешь, как выглядят?

Пацанёнок растеряно захлопал глазёнками, но тут ему на выручку подоспела его подслеповатая бабка:

– Всё есть, княгиничка, сейчас всё тебе принесём. Ну-ка Васька, бегом в амшенник.

Пока я в деревянной кадучке тщательно намывала свои руки, рядом со мной на деревянной скамеечке на чистом льняном полотенчике лежал пучок сушеной ромашки, несколько корешков валерьяны лекарственной, пара свежих листочков подорожника и небольшая веточка берёзы. Мята была редкостью, а лекарственная мелиса, или как тут её ещё называли «пчелиная трава», росла далеко не у каждого.

Заварив лечебные травы в большой деревянной кружке, и тщательно вытерев руки чистым полотенцем, я вновь склонилась над испуганным, но уже немного притихшим Антипом. Засунув пальцы ему в рот, и аккуратно ощупав налившийся флюс у совершенно здоровой нижней левой семёрки, я раздражённо выдохнула.

– А какой зуб у тебя болел до этого? – спросила я притихшего пациента.

– Этот, – ткнул парень в кариозную верхнюю левую се-
мёрку, а потом заметил, – А теперь везде всё болит.

И не удивительно, видимо боль от флюса распространи-
лась по всей левой стороне, И вид у него при этом был та-
кой жалостливый и несчастный. Мужчины, они как дети, ес-
ли речь заходит о зубах и походах к стоматологу. Вот и этот
шкафообразный денинушка, просто сжался от ужаса, видя,
как за моей спиной маячит фигура кузнеца с раскалёнными
клевцами.

Я – не хирург-стоматолог, но понимала, что простыми от-
варами и настоями подобное воспаление не вылечить, здесь
по идее сначала необходимо вскрыть гнойник, снять отёк и
воспаление, а уж потом, если боль не утихнет, то и за зуб
приниматься. Но на вид, он был вполне здоровым, и рвать
без причины хороший зуб совершенно не хотелось. Парень,
не смотря на свою горообразную внешность, был ещё со-
всем молоденьким, лет восемнадцати – девятнадцати, по-
этому было жаль преждевременно лишать его зубов. И так в
этом непростом времени из-за отсутствия продвинутой ме-
дицины и стоматологии люди уже к тридцати годам остава-
лись без половины зубов, а уж к сорока или пятидесяти го-
дам могли быть полностью беззубыми. Единственный дей-
ственный способ лечения больных зубов было их удаление.
Вот так.

– Вот что, уважаемый, – посмотрела я на растерянного
кузнеца, который так и замер рядом с уже подостывшими

щипцами, – Вы пока это уберите, видите, у него в другом месте воспаление, от этого и боль. Вы мне лучше что-нибудь острое дайте, нож например.

От моих слов парень ощутимо дёрнулся.

– Тише, милый, тише, – успокаивающе провела я по его щеке рукой, а затем вновь скользнула пальцем ему в рот, чуть касаясь воспалённого бугорка, – Сейчас станет легче.

Я сконцентрировала немного силы в кончиках пальцев, подавая её в очаг воспаления, замечая, как бледнеет лицо пациента, холодеет и немеет его рот.

– Вот видишь, уже не так больно, всё хорошо, ты главное дышать не забывай, – успокаивающе посмотрела я в его полные ужаса глаза. Он видимо пытался что-то сказать, но онемевший от холода язык его совсем не слушался, из его рта лишь вырывалось слабое мычание.

– Тише, тише. Закрой глаза. Чувствуешь, уже почти не больно. Дыши носом, и постарайся не дергаться, – проговорила, забирая у кузнеца небольшой нож и тщательно нагревая его над огнём с целью дезинфекции.

Когда нож остыл, а пациент немного успокоился, я снова раздвинула ему рот и быстрым резким движением вскрыла флюс.

– Ыыыы, – послышалось нечленораздельное завывание, а изо рта парня потекла сукровица.

– Вот и хорошо, вот умница, – подбодрила я парня, который совершенно бледный от всех переживаний сползал вниз

по лавке, – А теперь, болезный, положи давай. Да не бледней ты так, жить будешь, – вручила я ему отвар из лечебных трав и тазик.

– Уфе не бойно, – прошамкал он онемевшим ртом.

– Ага, – кивнула я и вернула его с небес на землю, – Это пока, потом снова больно будет, пока рана не заживет. Ты сегодня постарайся ничего не есть, только пить, и преимущественно только воду. Ну и каждые четверть часа полоскание травами.

Выбравшись на улицу, меня тут же обступила толпа любопытных зевак. Некоторое время люди просто перешептывались между собой и переглядывались, а в следующее мгновение толпа взревела, и ко мне кинулись люди, наперебой жалуясь на свои недуги и болезни. Мне же только и оставалось, что ошеломлённо хлопать глазами и по возможности говорить, что я не лекарь, а всего лишь травница, которая совсем немножко понимает во врачевании. Но, увы, это уже мало кого интересовало.

Помимо своих недугов, люди жаловались на свою судьбу, беды, горести и несправедливости, выпавшие на их несчастную долю. Кто-то рассказывал о болезнях, кто-то о голоде и трудностях содержания больших многодетных семей, кто-то о смерти родичей и потерях кормильцев, кого-то паводок лишил жилья, кто-то пострадал от пожаров, кого-то лесные хищники лишили последней коровы-кормилицы, и прочее, и тому подобное.

Я смотрела, слушала, участливо кивала, давала советы и рекомендации, говорила слова соболезнования и поддержки, и понимала, что в отличие от этих людей, я в своей деревне жила, как у Христа за пазухой. Здесь же, в городе, те люди, что жили на окраинах, влачили жалкое существование и каждый божий день боролись за своё выживание. Голод, болезни и нищета, вот с чем сталкивались эти люди изо дня в день.

– Спасибо, княгиничка, на добром слове, – печально улыбнулся мне один из мужичков, что пару месяцев назад схоронил свою жену и теперь остался вдовцом с пятью маленькими детками.

От подслеповатой бабки Василька, я узнала, что несчастная женщина умерла родами, и младенец остался без материнского молока. Но, слава Богу, нашлась добрая женщина, их соседка, которая согласилась вскармливать малютку своим молоком. Она примерно в это же время освободилась от бремени и сейчас кормила свою маленькую дочку. Но увы, на двоих молока не хватало. Да ещё усугублялось всё тем, что был сначала разгар пахоты, затем покос. Косить выходили все, и стар, и млад, и женщины, в том числе беременные, и только родившие. Женщины уходили на покос на целый день, а дети мучились от голода, кто-то выживал, а кто-то нет. Вот и этому малышу приходилось не сладко, в разгар покоса молодая женщина возвращалась домой и выкармливала сначала свою дочь, а потом уж и соседского мальчиш-

ку, молока увы не хватало. Ребенок плакал, но усиленно цеплялся за жизнь. Каждый вечер соседские старухи укладывали малютку к образам и уже готовились читать отходную, с нетерпением ожидая, когда же вернётся с покоса кормилица. Да, в эти времена женщины не знали, что такое декрет. Рано выданные замуж, измученные тяжелой работой и постоянными родами, они либо умирали от очередной родильной горячки, либо превращались в усталых старух. А уж про детскую смертность даже и говорить нечего.

Уже почти покидая окраину, мой взгляд упал в сторону городских ворот, туда, где за массивными резными створками и коваными тяжёлыми решетками мимо постов караульных вилась змейкой простая грунтовая дорожка. Я помнила, что именно по этой дороге меня привёз сюда пресветлый княжич, и если ехать по ней не сворачивая до самой реки, а потом свернуть южнее, то там будет моя деревня и мой дом. Хотя..., теперь мой дом здесь. А дом ли это? И можно ли назвать золочёную клетку домом?

Поддавшись внезапному порыву, мои ноги сильно прищипорили коня, и в следующее мгновение я уже мчала во весь опор по пыльной просёлочной дороге прочь от городской заставы.

– Стой! – отчаянно раздалось где-то сзади, заглушая топот копыт, – Стой, тебе говорят!

Обернувшись, моему взору открылось трое всадников, поспешно нагоняющих меня.

– Труууу, – прокричал Ивор, хватая упряжь моей лошади, – Куда собралась, княжна? Неужто не видишь, что вечерет. Уже довольно поздно, возвращаться пора.

– Я лишь хотела..., – растерянно начала я оправдываться, хотя сама не могла объяснить свой внезапный порыв.

– Ты это пресветлому объяснять будешь, – небрежно прервал он меня, давая понять, что разговаривать со мной ему не доставляет никакого удовольствия, – Мне не велено выпускать тебя за пределы города, а уж тем более одной, без охраны и сопровождения.

Мне лишь оставалось бесшумно скрежетать зубами, видя, как княжий ближник привязывает удила моей лошади к своему седлу.

Возвращалась я в терем уже под вечер и в весьма подавленном состоянии. Видя моё настроение, сенные девушки мгновенно притихли и, делая вид, что сильно заняты вышиванием и приготовлением всего необходимого ко сну, тут же рассосались по разным углам светлицы.

– Явилась, наконец! – разъяренным коршуном влетел в мои покои княжич, – Где ты была?

Я удивленно обернулась к пресветлому муженьку:

– А что, тебе твой соглядатай разве де докладывал? Или Ивор приставлен ко мне с другой целью?

– Я его ещё не видел, – нахмурившись, ответил супруг.

– Так вот пойди и спроси у него, – безразлично повела я плечами, снова отвернувшись и делая вид, что разговор

окончен.

– Да как ты смеешь! Я твой муж и господин! – раздалось сзади, а в следующее мгновение я оказалась развернута лицом к нему и прижата к стене опочивальни, – Я слишком долго терпел твои выходки, пора напомнить тебе об этом.

Его рука замахнулась для пощечины. Девушки испуганно ойкнули и тут же поспешно испарились, бесшумно прикрывая за собой дверь.

Убедившись, что мы остались наедине, я с силой отпихнула от себя мужчину, и с вызовом посмотрела на его поднятую руку.

– Ударись меня хоть раз, и я никогда не прошу тебе этого, – холодно произнесла я, одаривая его ненавидящим взглядом.

Данияр раздраженно выдохнул, опустив руку, а затем будто весь сжался, словно от усталости.

– Я так устал, Настя, так измучился, – тихо проговорил он, усаживаясь на пол возле моих ног, – Не люб я тебе, совсем не люб. И жизнь со мной тебе не в радость.

– Ты пьян!?! – словно осенило меня. И в подтверждении моих слов парень кивнул.

Я посмотрела на этого по-своему привлекательного и красивого молодого человека, но такого несчастного и усталого, что в какой-то момент мне стало его жалко. Виноват ли он в том, что не люб? Виноват ли в том, что воспитан иначе? Что вырос в иное время? И виновата ли я, что другая, не такая,

какой должна быть молодая девушка этого времени?

– Что я делаю не так? В чём виноват? – продолжал сокрушенно сетовать парень, устало потирая ладонями своё лицо.

Присев рядом с ним на корточки, я медленно отняла его руки и задумчиво посмотрела в его лицо. И в этот момент я увидела столько печали в его глазах, столько боли и обречённости. Внутри меня что-то кольнуло, и я притянула его к себе и обняла за голову этого сильного, надменного и высокородного сиятельного князька, который тихо заплакал у меня на руках.

Глава 9

Успокаивать мужчин я никогда не умела. И сейчас даже несколько растерялась, глядя на тихую истерику сиятельного князька. В этот момент он выглядел совершенно иначе, чем обычно. Не было уже того надменного аристократического лоска, слетела его корона величия и маска неотразимости, и вот передо мной не сиятельный княжич, а совершенно обычный молодой мужчина с его обнаженными чувствами и эмоциями. Подавленный, усталый, такой настоящий и искренний, а ещё немного несчастный.

Сжалившись, я кое-как подвела шатающегося парня до кровати и уложила поверх стёганных одеял, прикрывая покрывалом. Усталость в купе с алкогольным опьянением давала о себе знать, веки мужчины смежились, дыхание выровнялось, и он уснул, не видя, как я свернулась рядом калачиком, вглядываясь в полутьме в его красивое лицо. И правда, когда он был расслаблен, он казался весьма приятным молодым человеком с правильными по-мужски классическими чертами лица.

Я протянула руку и пальчиком тихонько обвела волевой подбородок, высокие скулы, прямой нос и тонкие губы. Затем откинула с высокого лба тёмную прядь волос и не удержалась, зарывшись рукой в черной шевелюре. Было приятно.

Задумчиво перебирая пальцами темные пряди, мой

взгляд медленно скользил по мирно спящему рядом мужчине, а в голове то и дело всплывал один и тот же вопрос: смогла бы я полюбить его? Возможно, если бы моя жизнь в этом новом мире сложилась несколько иначе, то...

Я тряхнула головой и с горечью осознала, что совершенно не хотела бы причинять этому человеку боль. Но, увы, я причиняла. И видела это. И от этого самой становилось больно. Мне разбил сердце Данила, а теперь я разбивала сердце Данияру. Но что я могла поделать? Претвориться, что он мне дорог? Лицемерить и лгать? Ради чего? Терпеть минуты близости с чужим для меня мужчиной и каждую ночь делить с ним ложе? Терпеть его прикосновения и поцелуи? И каждый раз ждать, считая минуты, когда всё это закончится? В памяти ещё были свежи воспоминания о нашей брачной ночи. Нет уж, повторения мне совершенно не хотелось. Но ведь я его жена? Как быть? Ждать, когда стерпится-слюбится?

От всех этих мыслей у меня сильно разболелась голова, и стало нестерпимо душно. Меня душили стены этих богатых покоев, этот тяжёлый парчовый балдахин кровати, этот плотный роскошно-вышитый сарафан.

Спрыгнув с постели, и с силой дернув шнуровку сарафана, я с остервенением принялась стаскивать с себя лишнюю одежду, оставляя на себе лишь полупрозрачную нижнюю сорочку. Так стало немного легче, но воздуха всё равно катастрофически не хватало.

Подойдя к небольшому витражному окошку, я потянула

створку на себя и, когда в опочивальню ворвался поток свежего воздуха, смогла наконец вздохнуть полной грудью.

Порыв свежего ветра ударил в лицо, разметав волосы и проносясь вихрем по помещению, опрокидывая со стола подсвечник и вазу с фруктами. А затем, у меня всё похолодело внутри, так как в двух шагах от кровати, где мирно спал молодой княжич, материализовалась фигура мужчины. Его платиновые волосы рассыпались по плечам, а во взгляде льдисто-голубых глаз плескалось чистая ярость, граничащая с безумием.

Он смотрел то на безмятежное лицо молодого князя, то на полуголую меня, что так и замерла рядом ошеломлённая, не в силах что-нибудь сказать или сделать. Кулаки его опасно сжимались и разжимались.

– Я не знал, что такое любовь, – еле сдерживая гнев, проговорил блондин охрипшим голосом, – Но теперь я познал ревность.

Я испуганно вжалась в стену и зажмурилась, когда он решительно метнулся ко мне. Яростно обдав меня порывом ветра, он молча выскочил в окно, развеявшись прямо на глазах и громко стукнув на прощание оконной створкой. А меня же затрясло от абсурдности произошедшего.

Я ещё долго сидела на полу возле окна и не могла поверить в то, что Ветер действительно был здесь. Это действительно был он, тот, кого я уже и не чаяла когда-либо увидеть. Но почему сейчас? Зачем? Почему не тогда, когда он был мне так

сильно нужен? Ведь тогда многое могло сложиться иначе.

От досады я закусила губу и сильно ударила кулачком по стене. Глупо. Боже, как же всё глупо. Он слишком медлил и опоздал. А я поторопилась. И вот теперь...

Я посмотрела на спящего в моей кровати мужчину и снова досадливо закусила губу, отворачиваясь. Он был совсем не тем, кого бы я предпочла здесь видеть. Но... Но вдруг в моей голове внезапно пронеслась мысль, что он единственный, кто приложил максимум усилий для этого. Он шел напролом, невзирая на моё неприятие, пренебрежение и откровенное признание. Его не смутили сложности, неодобрение родных и близких и даже друзей. Он добивался меня не мытьём, так катанием, не гнушаясь ничем, идя на любые условия. Даже разочарование от потери моей невинности не заставило его отвернуться или отказаться от меня. Неужели он и правда готов на всё ради меня?

И эта мысль настолько поразила меня, что я снова изумленно уставилась на спящего в моей постели молодого мужчину.

Утро следующего дня началось для меня весьма странно. Каким-то неведомым шестым чувством я ощутила на себе сначала чей-то пристальный взгляд, а затем словно кто-то навис надо мной. Открыв глаза, я увидела склонённого к моим губам пресветлого муженька, чьи намерения были более чем очевидны.

Наткнувшись на мой суровый взгляд, Данияр замешкал-

ся, что дало мне возможность выскользнуть из его объятий, отчего его неожиданно приподнятое утреннее, так сказать, «настроение» скользнуло по моему бедру, повергая меня в смущенное смятение.

Читая на его лице досаду и разочарование, я поспешила отвлечь пресветлого делами насущными:

– Я хотела поговорить с тобой, – мягко начала я, стараясь не смотреть на признаки его утреннего возбуждения.

Он было уже собрался покинуть мои покои, но заинтересованно задержался.

– О чём?

Я хлопнула в ладоши, и из соседней светёлки вышли сеньные девушки и тут же приготовили всё к умыванию и одеванию. Пока меня собирали и причёсывали, мой супруг тоже привёл себя в порядок и сейчас терпеливо выжидал, когда же я продолжу разговор.

Я не торопилась. Жестом пригласив его разделить со мной завтрак, я наконец озвучила то, что хотела.

– Не мог бы ты мне позволить покидать пределы города, посещать близлежащие окрестности, деревни и сёла?

Лицо княжича заметно потемнело:

– Зачем? Тебе кремля и детинца мало? На что там смотреть? Не дело княжне...

– Шататься по окраинам, словно девке безродной, – закончила я за него фразу, ту самую, которую уже совсем недавно слышала от него.

– Настя, – горестно выдохнул он, лоя мои пальцы своими теплыми руками, – Я не это хотел сказать.

Я медленно выдохнула, сдерживая раздражение. Однако ладони свои отнимать не торопилась, что конечно же он заметил и даже несколько удивился, хотя всячески старался не показывать этого.

– Я просто хочу немного больше свободы. И пожалуйста, убери своих надзирательниц. Это не выносимо.

Данияру, впрочем, как и всегда, мои слова показались странными, но смысл он уловил и отрицательно покачал головой.

– Зачем тебе покидать город? – напряжённо спросил он, – Твоё место теперь здесь, подле меня.

Не вынимая своих рук из его теплого плена, я поднялась из-за стола и, обогнув его, приблизилась к князю, пристально заглядывая в его глаза.

– Ты боишься? – осенило меня, – Ты боишься, что я сбегу?

Данияр поморщился, словно я высказала вслух его неприятные не озвученные мысли.

– Хорошо. Поступай, как знаешь, – с раздражением выдохнул он.

Сегодняшний мой выезд, вопреки всем моим ожиданиям, не вызвал никаких противоречий. И даже упоминание об окраине не всколыхнули на лице моего неизменного конво-

ира Ивора никаких эмоций. Видимо княжич всё-таки сдержал своё слово, предоставляя мне больше свободы. Что ж, возможно со временем и я изменю к нему своё отношение, кто знает?

В приподнятом настроении я проехала по уже знакомым грязным улочкам, а остановившись возле маленького приземистого домика, спешила и с удовлетворением увидела, как ко мне со всех ног бежала местная детвора.

– Княгиничка! Княгиничка приехала! – громче всех верещал Василий.

Я потрепала мальчишку по голове, а затем велела сопровождающей меня Маше раздать всем детишкам сладкие пироги, что мы захватили с собой. Бабушке Василия я привезла теплую шерстяную шаль и несколько баночек с лечебной мазью от ревматизма, что приготовила сама. Женщина непрерывно кланялась и то и дело благодарила. Мы и заметить не успели, как маленький дворик их домишка наполнился людьми.

– Пелагея Матвеевна, – обратилась я к бабушке Василька, – Позвольте мне на некоторое время воспользоваться вашим двором. Мы постараемся ничего здесь не сломать и не испортить.

Конечно же пожилая женщина не возражала, особенно когда я передала ей увесистый мешочек муки и несколько краёв вяленого мяса.

– Благослови тебя Господь, княгиничка, – расчувствова-

лась женщина, – Наш дом – твой дом.

А люди всё пребывали, их становилось всё больше и больше.

– Антип! – увидела я в толпе высокую фигуру парня, которому вчера вскрывала флюз, – Чего на задворках мнёшься? Подойди ближе.

Парень послушно приблизился и сразу же был усажен на низенькую скамеечку. По вчерашнему примеру мне тут же принесли ручник и таз с теплой водой.

– Открой-ка рот, – скомандовала я Антипу и удовлетворённо заметила, что состояние пациента явно улучшилось, – Хорошо, продолжай полоскания. И вообще почаще рот промывай, да льняной нитью меж зубами прочищай, чтоб пища не скапливалась, от этого зубы гнить начинают и болят. Понял?

Парень испуганно закивал и тут же ретировался. А на его месте оказался следующий пациент.

Увы, помочь я могла не каждому, ведь я не врач, не хирург, не акушер-гинеколог и уж тем более не анколог. Где могла, я помогала, раздавая свои целебные снадобья, мази, настои и отвары. Показывала, как с помощью них обеззараживать и заживлять раны, как делать перевязку, как и чем лечить ожоги, как накладывать шину и лангету, вправлять вывихи и даже останавливать кровь. Кто-то уходил от меня с благодарностью, а кто-то с печалью и разочарованием. Не могла я помочь всем и каждому, увы. Не было у меня ни зна-

ний, ни опыта.

Покидала я окраину вновь в подавленном состоянии. И, как и вчера, вновь мой взгляд устремился по просёлочной дорожке мимо постовых и караульных туда, где был мой милый дом. Не удержавшись, я снова пришпорила коня и направила его быстрым галопом в сторону своей родной деревни.

Не знаю, сколько продолжалась эта безумная скачка, но я с удивлением обнаружила, что на этот раз препятствовать или останавливать меня никто не собирался. Мои попутчики пытались меня нагнать и только. Осадив свою лошадь, я наконец дала им эту возможность, ожидая, что хмурый Ивор вновь начнет выговаривать мне претензии и напоминать о запретах. Но к моему изумлению, этого не последовало. И в полном молчании мы продолжили свой путь.

А до деревни было уже рукой подать. И как только мой взор зацепился за знакомые улочки и крыши домов, моё сердце отчаянно забилося, а предвкушение и радость вновь заставили меня пришпорить своего коня.

Здесь всё было для меня родным. Лай собак, квохтанье домашней птицы, мычание коров, возвращавшихся с пастбища, крик детворы, запах свежескошенной травы и уже высушенного сена. Боже, как же я скучала по всему этому. Но и конечно мой неказистый скромненький домишко, что стоял в конце улицы, вызвал во мне целый шквал эмоций.

– Не ходите за мной, – остановила я своих попутчиков,

сглатывая комок в горле.

Слезы наворачивались на мои глаза, когда я трясущимися руками отперла дверь и шагнула в темные сени. За моё отсутствие здесь мало что изменилось. Видимо сюда регулярно наведывалась Матрёна, а возможно и кто-то из сестёр Морозовых. Присутствие Казимира нигде не ощущалось, а без него дом сразу казался каким-то не жилым, каким-то мёртвым и чужим.

С грустью заперев дверь, я поспешила к дому Матрёны, но по пути задержалась, и мой взгляд сам неосознанно упал на кузню в конце улицы. Возле больших дубовых ворот стояла молодая светловолосая женщина с коромыслом в руках. Но не это привлекло моё внимание, а небольшой округлившийся живот, что не скрывал даже свободный покрой сарафана.

Сердце пропустило один удар, второй... И если бы не подоспевшая во время Маша, которая подхватила меня под локоть, то я бы уже сидела на земле.

Неужели она беременна?! Так быстро? Возможно ли, что она смогла зачать сразу после того первого раза, когда я застала их в кузне?

На глаза вновь набежали слёзы, но на этот раз злые, обидные. Я чувствовала себя сейчас обворованной или даже ограбленной. На её месте должна была быть я, а не она. Она украла у меня эту жизнь, о которой я мечтала. Жизнь с любимым мужчиной, дети, дом, быт, всё это должно было стать моим!

Яростно сжав свои кулаки, я невероятным усилием воли заставила себя отвернуться, чувствуя, как холодеют мои руки, а кончики пальцев покрываются инеем. В глазах темно, а разум окутывала пелена ненависти.

– Настя! – услышала я знакомый крик, и это удержало меня от опрометчивых действий. Тепло вернулось в мои руки, а кровавый туман перед глазами стал медленно рассеиваться.

– Матрёна! – вымученно улыбнулась я, бежавшей мне навстречу подруге.

– А ну стой! Как к княжне обращаешься?! – последовал недовольный окрик Ивора, а затем удар, от которого ноги женщины обессилено подкосились, и она упала на колени перед княжьим воем.

– Прощенья просим, государыня княжна, – пролепетала Матрёна, утирая выступившие слёзы.

– Матрёна, милая, встань! – подбежала я к подруге, бросая на Ивора злой взгляд, – Зачем ты так!?

– Невместно всякой челяди кидаться на пресветлую княжну, – безразлично пожал он своими плечами, – Пусть знают своё место.

А между тем на улице столпились люди. Все боязливо осматривали мой конвой, а на меня кидали настороженные взгляды. В некоторых я увидела упрек, в других разочарование, а были и такие, кто с издёвкой хмыкнул. Типа, зазналась наша Настенька, княжной стала, теперь им простым людям не чета, нос задрала, власть заимела. Но я же такой не была!!!

– Даша, Варя, Лизонька, – умоляюще посмотрела я на сестёр Морозовых, которые тоже здесь присутствовали, – Неужто вы не подойдёте поздороваться? Это же я, ваша Настенька!

– Не смеем, государыня-княжна, – с поклоном ответила за всех Варвара, – Невместно нам, чернавкам, рядом с княжной находиться.

Я взглянула в лица подруг и не узнавала их. Чужие, холодные, безразличные, они усиленно отводили от меня свой взгляд. Зато по выражению лиц других женщин я прочла много всего не особо приятного. Здесь было и злорадство, и признание, и враждебность, и зависть.

– Матрёна, – вновь попыталась я поднять с колен свою подругу, – Ну хоть ты-то веришь, что я по-прежнему та самая Настенька? Я та же, что и была прежде.

Подруга всхлипнула и боязливо покосилась на мой конвой.

– Отвечай, чернь, когда к тебе пресветлая княжна обращается! – снова последовал болезненный тычок, заставивший женщину охнуть и скривиться.

Это был предел. Рука в ледяной перчатке схватила обидчика за запястье.

– Не смей к ней прикасаться! – разъяренной змеёй прошипела я.

Мужчина вырвал руку из моего ледяного хвата и с удивлением посмотрел на меня.

– Пора в город возвращаться, темнеет уже, – безапелляционно произнес он, подводя ко мне лошадь и потирая занемевшее запястье.

– Не указывай мне, что делать, – снова огрызнулась я, но была больно схвачена за руки и в грубой форме подведена к своей лошади.

– Лучше делай, как тебе велят, – испуганно прошептала мне Матрёна и напоследок перекрестила, – Там теперь твой дом. Поезжай с Богом!

Взглянув на последок на своё село, я поняла, что в очередной раз мой мир рухнул. Я снова потеряла дом. Теперь мне здесь не рады, и я для них стала чужой.

Первое, что я увидела, когда вошла в опочивальню, это перекошенное от ярости лицо княжича, который метался по покоям, словно обезумевший зверь.

– Где ты была? – раздалось его утробное рычание, и я и вправду на мгновение поверила, что в мою спальню пробрался дикий зверь.

– Что? – недоумённо приподняла я бровь.

– Где ты была? – повторил он свой вопрос, сжимая от ярости свои кулаки, – Только не ври мне, что просто гуляла по городу.

Ох, кажется, я начинала понимать. Видимо, пока я со своими девушками была в бане, моему дражайшему супругу успели что-то донести.

– Я знаю, что ты ездила в свою деревню! И я знаю, с кем ты там встречалась! – словно обвинение, выплюнул он мне. А в следующее мгновение ваза с фруктами полетела напрямиком в стену.

– Тем лучше, – безразлично пожала я плечами, – Раз ты всё знаешь, к чему тогда вопросы?

Мужчина гневно взревел, и в стену полетели новые предметы. А секундой позже он уже прижимал меня к стене, упревшись обеими руками рядом с моей головой.

– На мгновение... Всего лишь на жалкое мгновение..., – тяжело дыша, начал прерывисто он, – Сегодня утром, я было поверил в то, что ты..., что мы... Но вижу, что ошибся.

Я искренне недоумевала над реакцией и поведением Данияра. Неужели моё краткое посещение деревушки и мимолётная встреча с подругой вызвали в нём такую бурю эмоций?

– Ты виделась с ним! Признавайся! – не выдержав, закричал он.

– С кем? – моему удивлению не было предела. Страх я не испытывала вовсе, так как на грубую силу всегда могла ответить иной силой. Но в глубине души я почему-то была уверена, что он меня не ударит.

– Со своим кузнецом! – вновь зарычал пресветлый и вперил в меня свой яростный взгляд.

– Кто сказал тебе такую глупость? – ошеломлённо посмотрела я на него, – Я и вправду была там сегодня, но с ним не

встречалась...

– Лжёшь! – перебил меня княжич, – Ивор сказал...

– Ах, Ивор..., – злобно блеснула я глазами, – И ты поверил?

– Он не стал бы мне лгать, – поумерив свой пыл, растерянно проговорил пресветлый, отодвигаясь.

Я хлопнула в ладоши, и в комнату вошли Глаша и Маша.

– Рассказывайте, – указала я на угол с иконами, – Всё рассказывайте, как на духу. Куда мы сегодня ездили, что делали, с кем говорили, кого видели. Подробно рассказывайте, поминутно. Да побожиться не забудьте и икону поцеловать.

– Лужка! – крикнула я третью девушку из девичьей светелки, – Вели сейчас же привести сюда тех двоих гридей, что сопровождали меня сегодня на прогулке.

Пока ожидали двух казаков, что составляли мой сегодняшний караул, Маша и Глаша поспешно и сбивчиво поведали пресветлому княжичу о моих сегодняшних передвижениях. А подошедшие гриди подтвердили рассказ девушек. Как только все четверо перекрестились и поцеловали образ, молодой князь повелительным жестом руки отпустил всех прочь.

В комнате повисла гнетущая тишина.

– Ну? – вопросительно подняла я свои брови, – Я жду.

– Чего? – растерялся пресветлый. Видимо, гнев в нем еще улёгся не полностью, хотя сейчас возможно он принял скорее форму некой досады и раздражения.

– Твоих извинений! – безапелляционно произнесла я и упрямо сложила руки на груди.

– Их не последует, – отводя взгляд, произнес княжич, – Ты не должна была туда ездить.

– Вот как? И почему же? – подошла я к нему почти вплотную, видя, как удивлённо расширяются его глаза.

Он сделал шаг назад, и вот уже я прижимала его к стене, почти касаясь своей грудью его груди.

– На мгновение... Всего лишь на жалкое мгновение..., – с придыханием повторила я его фразу, – Сегодня утром я поверила в то, что мы могли бы начать всё сначала. Но теперь вижу, что это вряд ли возможно. Ты готов поверить кому угодно, но не своей жене.

По всей вероятности последние фразы оказались для князька не столь значимы, как предыдущая. Его слух уловил только то, что хотел.

– Настя, это правда? – озадаченно спросил он, – Ты, правда, готова начать всё сызнова?

Я отступила и прикрыла ладонью лицо. Боже, что я делаю? Неужели и вправду надеюсь, что стерпится-слюбится?

Заметив мои колебания, Данияр решительно шагнул ко мне и положил свои руки мне на плечи.

– Я думала об этом, – тихо ответила я, стряхивая со своих плеч его ладони, – Прошу, не напирай. Мне нужно время.

Не удержавшись, он порывисто обнял меня и прижал к своей груди. И к моему облегчению ничего больше не го-

ворил. Меньше всего сейчас я хотела бы что-то выяснять. Я просто устала. Я так сильно устала. А в тёплых объятиях привлекательного, пусть даже не любимого, мужчины было так... спокойно, что ли.